

Естественная история драконов. Мемуары леди Трент. Путешествие на «Василиске»

Автор:

[Мари Бреннан](#)

Естественная история драконов. Мемуары леди Трент. Путешествие на «Василиске»

Мари Бреннан

Естественная история драконов #3

Те, кто знаком с блистательной и скандальной карьерой натуралистки-драконоведа Изабеллы Кэмхерст, возможно, полагают, будто уже знакомы со всеми подробностями ее исторического путешествия на борту Флота Его Величества Исследовательского Судна «Василиск», однако подлинная история этого поучительного, ужасающего, одиозного путешествия не предавалась гласности еще никогда – до сего момента.

Спустя шесть лет после смертельно опасных эриганских походов Изабелла отправляется в самую грандиозную (пока что) из своих экспедиций – в двухлетнее кругосветное плавание с целью изучения драконов всех разновидностей во всех возможных местах их обитания. И все эти существа – от пернатых змеев, нежащихся под солнцем на руинах исчезнувшей цивилизации, до могучих морских змеев тропиков – не только бесконечно восхитительны, но и зачастую опасны. Сопровождает Изабеллу не только маленький сын Джейк, но и рыцарственный зарубежный археолог, чьи научные и личные интересы прекрасно совпадают с научными и личными интересами самой Изабеллы.

Конечно же, главная цель путешествия – наука, но жизнь Изабеллы редко настолько проста. Путь к революционному открытию, в корне меняющему научные воззрения на древнюю историю драконов, преграждают не только штормы и кораблекрушения, но и политические интриги, и даже война.

Мари Бреннан

Естественная история драконов.

Путешествие на «Василиске»

Мемуары леди Трент

Marie Brennan (author), Todd Lockwood (illustrator)

VOYAGE OF THE BASILISK

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов, JABberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Художественное оформление Тодда Локвуда

Печатается с разрешения автора при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Copyright © 2015 by Bryn Neuenschwander

All rights reserved.

Cover and interior art © Todd Lockwood

© Д. А. Старков, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Предисловие

Мое решение включить в мемуары описание плавания на «Василиске» может не только порадовать вас, но и вызвать недоумение – в зависимости от темперамента. Однако сей период моей жизни довольно долог, в общем и целом – без малого два года, а сделанные за это время открытия весьма существенны, как и вызванные данным путешествием перемены в моей личной жизни. С этой точки зрения было бы очень странно, если бы я пренебрегла рассказом о нем.

Но и для недоумения имеется немало веских причин. В конце концов, этот двухлетний период документирован намного подробнее всей остальной моей жизни. Контракт о регулярных репортажах, заключенный мною с «Уинфилд Курьер», означал, что в Ширландии очень и очень многие были в курсе моих дел, даже если не считать разнообразных репортажей, отчетов, сводок и донесений, написанных обо мне другими. Более того, впоследствии мой травелог был издан отдельной книгой под названием «Вокруг света в поисках драконов», и книга эта имеется в наличии у издателя по сей день. Казалось бы, зачем утруждать себя новым изложением столь широко известной истории?

Помимо странности пренебрежения столь значительным периодом моей жизни, на то есть несколько причин. Во-первых, очерки для «Уинфилд Курьер» чрезмерно склонялись в сторону экзотической новизны в ущерб точности описания моих собственных впечатлений (в конце концов, именно этого и хотели читатели). Во-вторых, личной жизни я в них практически не касалась, а раз уж мемуарам положено быть чем-то личным, сии страницы – идеальное место для изложения опущенного ранее.

И, самое главное, изложенное в этом томе будет правдой, тогда как часть того, что было сказано в тех давних очерках – откровенная ложь.

Когда я писала в «Уинфилд Курьер», что по пути на Лаану в суматохе во время приключения с морским змеем получила удар по голове и была вынуждена отправиться в Пхетайонг для поправки здоровья, правды в сем не было ни на грош. Я написала эти строки только потому, что не имела иного выхода: продолжительное молчание (убедившее великое множество соотечественников на родине, что я наконец-то погибла) следовало прервать хоть какой-нибудь весточкой, а рассказать обо всем честно я не могла. Если бы я даже пожелала предать все, что натворила, широкой огласке, некий офицер Военно-Морского

Флота Его Королевского Величества строго-настрого запретил делать это. Говоря откровенно, переубедить некоторых правительственных чиновников удалось отнюдь не без усилий даже в наши дни, спустя так много лет, – хотя с тех пор в Йелане сменилась правящая династия, и рассматриваемые события более не имеют ни малейшей политической значимости.

Так или иначе, разрешение получено, и я наконец-то могу рассказать правду. Не стану описывать путешествие на «Василиске» день за днем: два года жизни не уместятся в один не слишком толстый том без существенных сокращений, и повторять то, что уже сказано, просто нет смысла. Посему сосредоточусь главным образом на материях личных (и, таким образом, новых для читателя) и на сведениях, необходимых для понимания того, что случилось в конце моего, так сказать, островного сидения.

Конечно же, всему свое время. Прежде чем правда выйдет наружу, вам предстоит услышать о Джейкобе с Томом Уикером, о Хили-и и Сухайле, и о безумном капитане «Василиска» Дионе Экинитосе. Услышите вы и о диковинах земных и морских, и о древних руинах, и о новейших изобретениях, и о буйных штормах, и о чудесных спасениях от смерти в океанской пучине, и о тяготах жизни в море, и о таком множестве разновидностей драконов, что хоть отбавляй. Да, многое здесь будет пропущено, однако я изо всех сил постараюсь сделать повествование как можно более полным и увлекательным.

Изабелла, леди Трент

Касселтуэйт, Линшир,

3 семиниса 5660 г.

Часть первая,

в которой мемуаристка отправляется в плавание

Глава первая

Жизнь в Фальчестере – Эбигейл Кэрю – «Летучий Университет» – Мсье Сюдерак – Посланец Галинке – Кожное заболевание?

Никогда в жизни у меня не возникало сознательного намерения основать у себя в гостиной импровизированный университет. Получилось это совершенно случайно.

Процесс начался вскоре после того, как Натали Оскотт, лишенная отцом наследства за побег в Эригу, переехала ко мне на правах постоянной компаньонки. Однако мои финансы не позволили бы долго поддерживать привычный стиль жизни для нас двоих – особенно при подрастающем сыне. Какой-то частью прежней жизни следовало поступиться, а так как жертвовать учеными занятиями я не желала, пришлось расставаться с другими вещами.

А именно – с особняком в Пастеруэе. Не без боли: ведь он служил мне домом многие годы (хотя значительную часть этого времени я и провела в чужих странах), и с ним у меня было связано множество теплых воспоминаний. К тому же, это был единственный дом, который когда-либо знал маленький Джейкоб, и некоторое время я сомневалась, стоит ли вырывать такого маленького ребенка из привычной обстановки, а уж тем более – перемещать в хаотическую среду большого города. Но жить в Фальчестере было бы намного экономнее, и в итоге мы решились на переезд.

Конечно, как правило, жизнь в городе требует куда больших расходов, чем сельская, даже если так называемый «сельский» городок – это Пастеруэй, ныне превратившийся в ближайший пригород столицы. Но большая часть этих расходов – следствие того, что человек живет в городе, дабы наслаждаться блеском светской жизни: концертами, оперой, вернисажами, модами, балами, танцами и утренним хересом. Все эти материи меня абсолютно не интересовали. Я собиралась заниматься интеллектуальной деятельностью, а в этом отношении Фальчестер был не только значительно богаче, но и существенно дешевле.

Там я могла завести абонемент в превосходной библиотеке Алкрофта, ныне более известной как один из основных фондов Королевских библиотек. Одно это избавляло от многих расходов, так как мои исследовательские нужды

неизмеримо выросли и, если приобретать все требуемое (или отсылать одолженные у услужливых друзей книги назад по почте), меня ожидало бы скорое разорение. Также, живя в столице, я могла посещать лекции, на которые допускались дамы, не тратя по несколько часов на дорогу – кстати, отпала и необходимость содержать собственный выезд, все связанное с этим снаряжение и слуг: в случае надобности проще и дешевле было нанять экипаж. То же самое касалось и дружеских визитов. Вот тут-то так называемый «Летучий Университет» и начал обретать форму.

Первым толчком к его развитию явилась необходимость в гувернантке. Натали Оскотт была мне замечательной компаньонкой, однако отнюдь не испытывала желания взять на себя ответственность за воспитание и образование моего сына. Поэтому я взялась за поиски той, кто мог бы заняться этим, потрудившись заранее оговорить, что семья моя отнюдь не из обычных.

Некоторых претенденток привлекло отсутствие мужа. Полагаю, многие читатели осведомлены о том неловком положении, в коем часто оказываются гувернантки, или, скорее, о том неловком положении, в какое часто ставят гувернанток их наниматели-мужчины: что проку делать вид, будто это случается вследствие некоторого естественного и неизбежного процесса, никак не связанного с чьим-либо поведением? Однако мои требования многих обескураживали. Знания математики от гувернантки не требовалось, поскольку обучать сына арифметике, алгебре и геометрии (и освоить математический анализ к тому времени, как Джейкоб дорастет до него) охотно согласилась Натали, но я настаивала на основательном знании литературы, языков и ряда естественных наук, не говоря уже об истории – не только ширландской, но и мировой. Вследствие этого процесс рассмотрения кандидатур оказался труден и утомителен, но принес нам неплохую прибыль: к тому времени, как я наняла Эбигейл Кэрю, мне удалось познакомиться еще с несколькими юными леди, у коих не было необходимого образования, но имелось сильнейшее желание получить его.

Не стану делать вид, будто основала «Летучий Университет» с тем, чтобы обучать необразованных кандидаток в гувернантки. На самом деле, многих из этих юных леди я больше никогда не видела, так как они отправились на поиски менее требовательных нанимателей. Но этот опыт наглядно показал, насколько нашему обществу недостает чего-то подобного, и я, едва обзаведясь абонементом у Алкрофта, предоставила книги из своей библиотеки (и собственные, и взятые на время) в распоряжение всех, кто пожелает ими

воспользоваться.

В результате к моменту начала моей морской экспедиции каждый вечер по атмерам в моей гостиной и кабинете собиралось от двух до двадцати человек. Гостиная служила местом тихого чтения, где мои друзья могли получить знания в любой области из тех, какие охватывала моя библиотека. Надо заметить, к тому времени она вышла далеко за рамки содержимого моих собственных полок и книг, взятых мною у Алкрофта, и превратилась во что-то вроде центра обмена для тех, кто желал бы воспользоваться книгами других. На свечи и лампы я не скупилась, так что читать можно было со всеми удобствами.

Кабинет же, напротив, был местом для бесед. Здесь мы могли задавать друг другу вопросы или обсуждать проблемы, относительно коих наши точки зрения не совпадали. Эти дискуссии нередко становились весьма оживленными, и все мы сообща вели друг друга из тьмы невежества к свету... ну, если не знания, то как минимум квалифицированного любопытства.

Порой эти дискуссии вернее было бы назвать спорами.

– Ты прекрасно знаешь, что я люблю крылья не меньше других, – сказала я однажды Мириам Фарнсвуд (та, будучи орнитологом, и была этими «другими»: крылья она просто обожала). – Но в данном случае ты переоцениваешь их значимость. Летать умеют и летучие мыши, и насекомые, однако никто еще не предлагал считать их близкими родственниками птиц.

– Никто еще не нашел доказательств тому, что летучие мыши откладывают яйца, – насмешливо ответила она. Мириам была старше меня почти на двадцать лет, и только в последние полгода я отваживалась называть ее на «ты». И не случайно: именно в эти полгода и зародился спор, коего мы никак не могли завершить. – Изабелла, меня убедили в этом твои собственные труды. Не понимаю, почему ты так упорствуешь в возражениях. Скелетная система драконов во многом подобна птичьей.

Это, конечно, прежде всего относилось к полым костям. У пресмыкающихся, коих я полагала ближайшими родственниками драконов, такое встречается намного реже.

– Полые кости могли развиваться разными способами, – с нетерпением сказала я. – В конце концов, именно так вышло с крыльями, разве нет? Куда менее правдоподобно развитие пары передних лап на том месте, где их никогда не было.

– Думаешь, развитие у рептилий крыльев там, где их никогда не было, более правдоподобно? – в совершенно не подобающей леди манере фыркнула Мириам. Она была из тех дам, которых чаще всего встретишь за городом, в грубых башмаках, в твидовом платье, с ружьем под мышкой и бульдогом (вполне вероятно, с собственной псарни) на поводке, но ее изящество и ловкость движений во время птичьей охоты были просто потрясающими. – Право же, Изабелла, если уж так рассуждать, тебе бы следовало отстаивать их родство с насекомыми – по крайней мере, у насекомых тоже более четырех конечностей.

Упоминание о насекомых отвлекло меня от того, что я собиралась сказать.

– Искровички усложняют проблему, – согласилась я. – Я уверена, что на самом деле они – крайне карликовый вид драконов, хоть и не в силах объяснить, как могло произойти такое уменьшение в размерах. Даже крохотные койяхуакские собачки не настолько меньше собак самых крупных пород.

В нескольких футах от меня тихонько хмыкнули. Том Уикер с суфражисткой Люси Деверье уже битых полчаса обсуждали политику Синедриона, но на миг прервали разговор, и Том услышал мои последние слова, а рассуждения о неразрешимой загадке классификации искровичков были ему отнюдь не в новинку.

Не слышать, о чем говорят вокруг, было бы затруднительно: мой городской дом на Харт-сквер был не слишком велик и особого простора не предоставлял. Однако это, скорее, было к лучшему, так как побуждало держаться вместе и вместе переходить от темы к теме, а не проводить весь вечер, разбившись на мелкие кучки. Вот и в тот атмер Табита Смолл с Питером Ланденбери завели разговор о новых исследованиях историков, но Люси, как всегда, втянула их в свою орбиту. Всего, вместе с Элизабет Харди, в моем кабинете собралось семь человек – что более-менее соответствовало его вместительности.

В ответ на мое отступление от темы Мириам подняла брови. Я покачала головой, собираясь с мыслями, и сказала:

– Как бы то ни было, по-моему, ты придаешь слишком большое значение тому факту, что у обитающих в Койяхуаке кетцалькоатлей есть перья. Согласно критериям Эджуорта, они к «драконам настоящим» не относятся, и...

– Ай, брось, Изабелла! – воскликнула она. – Тебе ли ссылаться на Эджуорта, когда ты собственной персоной возглавила атаку на всю его теорию в целом?

– Я еще не пришла ни к каким выводам, – твердо заявила я. – Вернемся к этому вопросу по окончании экспедиции. Посчастливится мне собственными глазами увидеть пернатого змея – вот тогда я и смогу с большей уверенностью сказать, можно ли отнести его к семейству драконов.

Дверь тихо отворилась, и в кабинет проскользнула Эбби Кэрю. Усталость ее была отчетливо видна даже в снисходительном свете свечей. В последнее время Джейк измучил ее до предела. Перспектива морского путешествия настолько распалила его воображение, что его едва удавалось усадить за уроки.

Идея взять сына с собой пришла мне в голову около двух лет назад. Когда я впервые задумалась о кругосветном путешествии с целью изучения драконов везде, где их можно найти, Джейк был еще слишком мал, чтобы отправиться со мной. Но такие экспедиции не организуются ни за одну ночь, ни даже за год. К тому времени, когда у меня появилась уверенность, что экспедиция состоится, Джейку уже исполнилось семь. Бывало, в таком возрасте мальчишки отправлялись в море воевать. Раз так, почему бы данному конкретному мальчишке не отправиться в море ради науки?

Нет, я не забыла нападок, обрушившихся на меня, когда я уехала в Эригу, оставив сына. Самым очевидным решением этой проблемы мне виделось не сидеть дома всю жизнь, а в следующий раз взять его с собой. На мой взгляд, для мальчика девяти лет это было бы весьма и весьма познавательно и послужило бы блестящим дополнением его образования. Другие, естественно, видели в этом только новый всплеск свойственного мне сумасбродства.

Извинившись перед Мириам Фарнсвуд, я прошла к двери навстречу Эбби.

– Натали послала меня напомнить вам... – начала она.

– О, боже, – вздохнула я, не дав ей закончить фразу. Виноватый взгляд на часы подтвердил мои подозрения. – Пожалуй, мы и вправду засиделись, не так ли?

Эбби была слишком добра, чтобы распространяться на эту тему. Правду сказать, мне очень не хотелось выставлять гостей за порог. То была наша последняя встреча перед отъездом – точнее говоря, моя последняя встреча с ними, поскольку в мое отсутствие их продолжит принимать Натали... Как бы ни волновало меня предстоящее путешествие, я чувствовала, что буду скучать по этим вечерам, чудесно позволявшим развивать ум и испытывать его силу на тех, чей интеллект значительно превосходил мой. Благодаря им мое миропонимание вышло далеко за пределы его изначальной наивности. А я, со своей стороны, изо всех сил старалась в ответ поделиться собственными знаниями – особенно с теми (будь они мужчины или женщины), кому не представилось в жизни таких благоприятных возможностей, как мне.

Сейчас я пишу о наших вечерах в прошедшем времени, и в тот момент поймала себя на том, что думаю о них в прошедшем времени, и мысленно одернула себя. В конце концов, я уезжала в путешествие, а не переселялась на противоположный край света навеки. Начатое в моей гостиной отнюдь не заканчивалось навсегда. Речь шла лишь о временном перерыве – и то только для меня.

Гости ушли без шума, хотя и с множеством добрых пожеланий счастливого пути и великих открытий, так что прощание заняло более получаса. Последним уходил Том Уикер, которому не было нужды прощаться: мы отправлялись в плавание вместе, поскольку я и представить себе не могла, как буду проводить исследования без его помощи.

– Мне не послышалось? Вы вправду пообещали миссис Фарнсвуд привезти образцы? – спросил он, когда в прихожей не осталось никого, кроме нас.

– Да, образцы птиц, – ответила я. – Она заплатит за них, или продаст те, которые не пожелает оставить себе. Еще один источник средств, которые нам вовсе не помешают.

Том согласно кивнул, хотя его улыбка сделалась печальной.

- Не знаю, когда у нас найдется время для сна. Вернее, не у нас, а у вас – ведь это не я обещал регулярно посылать репортажи в «Уинфилд Курьер».

- Лично я собираюсь спать по ночам, – вполне рассудительно сказала я. – Писать при свете лампы – это ужасный расход керосина, а ночных разновидностей птиц не так много, чтобы не спать из-за них каждую ночь.

Том засмеялся – на это-то я и рассчитывала.

- Спокойного сна, Изабелла. Вам очень нужно отдохнуть.

Натали вышла в прихожую как раз вовремя, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Затворив за ним двери, она повернулась ко мне:

- Ты не слишком устала, чтобы уделить мне пару минут?

Я была еще слишком бодра, чтобы заснуть, и все равно смогла бы только читать, если улягусь в постель.

- Это насчет приготовлений к моему путешествию?

Натали покачала головой. К моему отъезду все было готово и много раз обговорено: завещание на случай гибели, передача городского дома под ее временное управление, как связаться со мной, пока я буду за границей – одним словом, все препоны подобного сорта, которые нужно было преодолеть до отъезда, остались позади.

- Сегодня я снова говорила с мистером Кемблом, – сказала она.

- Идем в кабинет, – со вздохом ответила я. – Похоже, ради этого разговора стоит присесть.

В старом потрепанном кресле было как-то удобнее размышлять о предмете совершенно неудобном. Едва упав в его объятия, я заговорила:

- Он хочет, чтобы я пошла на сделку с этим тьессинцем, так?

– У него застой, – сказала Натали, – уже больше года. Микроструктура драконьей кости ему никак не дается, и, пока это так, синтеза тебе не видать. Возможно, процесс аэрации мсье Сюдерака – именно то, что нужно.

От одного упоминания этой темы хотелось биться лбом об стол. Удерживало только понимание, что Фредерик Кембл бьется лбом о нечто гораздо более неподатливое уже десятый год. Мы с Томом наняли его для разработки синтетического заменителя сохраненной драконьей кости, дабы человечество могло воспользоваться всеми преимуществами этого материала, не истребляя драконов. Пока что Кемблу удалось повторить ее химический состав, но воспроизвести пористую структуру, значительно уменьшавшую и без того невеликий вес кости при сохранении прежней прочности, оказалось не так легко.

Натали была права: процесс аэрации, изобретенный мсье Сюдераком, действительно мог бы помочь. Я, однако ж, терпеть не могла этого человека – до такой степени, что от одной мысли о сотрудничестве с ним в подобном предприятии делалось тошно. Он был симпатичным на вид тьессинским малым и, очевидно, полагал, что приятная наружность дает ему право на нечто большее, чем моя дружба. В конце концов, я была вдовой – возможно, уже не столь молодой, но песок из меня еще не сыпался. Однако мсье Сюдераку нужен был отнюдь не брак со мной: он уже был женат, а если бы и не был, состояние мое было не из тех, на какие он мог бы польститься. Он хотел только беспрепятственного доступа к моей персоне. Сказать, что я была отнюдь не склонна предоставить ему таковой, было бы вопиющей недооценкой истинного положения дел.

И тем не менее, если сие финансовое партнерство могло спасти жизни бесчисленных драконов...

Секрет консервации драконьей кости уже вовсю гулял по свету. Этот кот сбежал из мешка еще до моего отъезда в Эригу, когда взломщики, нанятые маркизом Кэнланским, проникли в лабораторию Кембла и похитили его записи, впоследствии проданные Кэнланом йеланской компании под названием «Ва-Ренская ассоциация грузоперевозок». Похоже, там держали эту информацию под спудом, так как она еще не стала общеизвестной, но я-то знала: она распространяется. Таким образом, отыскать синтетический заменитель следовало как можно скорее.

Я взвешивала все эти факторы, пока сердце в груди не отяжелело, точно кусок свинца.

– Я ему не доверяю, – наконец сказала я Натали. – Просто не могу себя заставить. Он из тех, кто полагает, будто имеет полное право наложить лапу на все что угодно лишь потому, что хочет этого. Не удивлюсь, если в итоге он сумеет решить проблему, но предпочтет придержать результат для собственной выгоды. Конечно, я могу отказаться от своей доли, если это необходимо, чтобы получить решение, но не могу позволить, чтобы подобным образом обобрали Кембла и остальных.

Натали откинула голову на спинку кресла и обреченно уставилась в потолок.

– Что ж, по крайней мере, я попыталась. Думаю, насчет Сюдерака ты права, но я не знаю, что еще мы можем предпринять.

– Может быть, теперь мне попробовать нанять взломщиков? Пусть проникнут к нему и украдут секрет процесса аэрации.

– Слава богу, ты вот-вот отправишься в плавание, – ответила Натали. – Иначе ты бы, чего доброго, так и сделала.

Ну, здесь она преувеличивала – но не слишком. Ради драконов я действительно была готова на многое.

* * *

С утренней почтой пришло несколько писем – очевидно, от тех, кто не подумал, что я собираюсь уехать из дому на довольно долгое время и посему вряд ли успею ответить. И все же одно из них привлекло мой взгляд.

Почерк на конверте был мне незнаком. Дело было даже не в незнакомой руке: весь стиль его был необычен, словно писал иностранец. Тем не менее этот почерк мне что-то напоминал, но я не могла бы сказать, что именно.

Из любопытства я потянулась за ножом и взрезала клапан конверта. Записка внутри была написана на отличной бумаге и тем же самым необычным почерком.

Некто Вадеми н'Орофино Дара приглашал меня встретиться сегодня за ленчем у Сэлберна, если я не занята.

Теперь я поняла, что напоминал мне этот почерк. Я все еще от случая к случаю переписывалась с Галинке н'Орофино Дара, единоутробной сестрой оба Байемби. В почерке этого человека чувствовался отпечаток того же стиля, хоть в его случае и гораздо более слабый. Отсюда я сделала вывод, что для него писать по-ширландски привычнее, чем для Галинке.

Орофино Дара. Из того же рода, что и Галинке. Брат? Нет, я была вполне уверена, что у нее нет братьев по матери, а йембе наследуют родовое имя по материнской линии. Таким образом, он мог оказаться кем угодно, от сына сестры матери Галинке до очень отдаленного кузена. Но этой связи было достаточно, чтобы поскорей черкнуть записку с согласием и отослать ее в указанный в письме отель. Альтернативные планы на ленч не простирались далее пары сэндвичей за упаковкой вещей, а встреча у Сэлберна обещала быть гораздо интереснее.

В те дни я не часто бывала у Сэлберна (выражаясь менее утонченно, я просто не могла себе этого позволить), о чем, не будучи тревоугодницей, ничуть не сожалела. Но приглашение к Сэлберну означало, что Вадеми н'Орофино Дара богат, либо получает неплохие средства от кого-то еще: ленч на двоих в этом заведении – мероприятие не из дешевых.

Отыскать его в холле не составило никакого труда. Он был йембе: темнокож и, согласно йембийским обычаям, облачен в широкую, затейливо сложенную полосу ткани, обернутую вокруг пояса – разве что, ввиду более прохладного ширландского климата и более строгих норм приличий, дополнил сей костюм накидкой. Расцветка его одежды тоже была почти по-ширландски сдержанной – черной с золотым геометрическим орнаментом. Когда я вошла, он был уже на ногах и сразу же подошел ко мне.

Мы обменялись приветствиями на йембе, что наглядно продемонстрировало, как сильно испортилось со временем мое произношение и грамматика. Когда Вадеми перешел на мой родной язык, я сочла нужным извиниться:

– Боюсь, мой йембе сильно пострадал из-за отсутствия практики. Не стоило с него начинать. С Галинке мы переписывались по-ширландски.

Что касается Вадеми, он говорил по-ширландски с заметным акцентом, но вполне бойко.

– Вы должны приехать в гости! Я слышал, вы скоро отправляетесь в путешествие. Не думаете ли навестить и Байембе?

– Если бы я могла поехать куда заблагорассудится! – вздохнула я. – К сожалению, исследования вынуждают меня развивать знания вширь, а не вглубь. Я должна уделить время новым землям и новым видам драконов.

Это было правдой, но не всей. Не могла же я рассказать этому человеку о беседе с неким членом Синедриона (которого оставлю безымянным, хотя сейчас он уже мертв, и сплетни ему ничуть не повредят), в коей он недвусмысленно дал понять, что правительство отнесется к моему возможному возвращению в Байембе крайне неодобрительно. Уж и не знаю, чего они могли опасаться: из государственных тайн, касавшихся наших отношений с Байембе, мне была известна лишь одна, да и та уже давно перестала быть тайной. Тем не менее доверия я лишилась: кто ошибся раз, ошибется и другой.

К моему удивлению, Вадеми и я обедали не в главном зале. Он снял для нас отдельный кабинет – наверное, с тем, чтобы мы, йембиец и дама, некогда обвиненная в государственной измене в пользу его страны, привлекали меньше внимания. Тайна же того, как он смог позволить себе такую роскошь, скоро раскрылась: он действительно оказался сыном сестры матери Галинке. Любой, состоящий в столь близком родстве с байембийским оба, пусть даже со стороны одной из младших жен, мог бы приобрести меня и все мое хозяйство, даже глазом не моргнув.

За закусками мы обменивались любезностями, но, когда подали главное блюдо, я обнаружила, что у Вадеми имелись и другие резоны, чтоб снять отдельный кабинет.

– Что вы слышали о драконах? – спросил он, как только ушел официант.

– О драконах? – переспросила я. Голова моя была полна мыслей о самых разных видах драконов, и посему я далеко не сразу поняла, что он имел в виду. – Вы – о тех, которых подарили Байембе мулинцы?

Нет, я вовсе не забыла о них. Трудно забыть о соглашении между двумя чужими народами, в котором вам довелось выступать посредником, особенно если это посредничество было расценено как государственная измена! Но мой интерес к драконам был чисто биологическим и никак не касался политики, и тот факт, что в пограничных реках Байембе теперь обитают мулинские болотные змеи, давным-давно отступил на второй план.

Вадеми кивнул. В ответ я только развела руками.

– На самом деле, о них я знаю очень мало. Галинке упоминала, что яйца, как и было обещано, доставили, и из них вывелись детеныши – и, насколько я припоминаю, их оказалось маловато. Затем саблезубам постарались обеспечить достаточное питание... И с тех пор я не слышала о них ничего.

Все это, если вдуматься, было крайне странно. Конечно, драконы в реках Байембе предназначались для защиты границ, и потому могли стать государственной тайной. Однако Галинке прекрасно понимала, что мне очень хотелось бы узнать о прогрессе в этой области поподробнее, и нашла бы способ хоть что-то да сообщить. Вместо этого ее нечастые письма развлекали меня иными материями.

Но вот теперь она, по-видимому, действительно нашла способ кое-что сообщить, и способ сей носил имя Вадеми н'Орофино Дара.

– Ситуация сделалась... несколько странной, – сказал он. – И мы надеемся, что вы сможете увидеть тут какой-нибудь смысл.

Конечно же, это возбудило мой интерес, как ничто другое.

– Что значит «странной»?

Он заговорил – не торопясь, то и дело отвлекаясь на еду. Я несколько раз напоминала себе, что и мне стоило бы подкрепиться, но, боюсь, в моем случае все усилия лучших поваров Сэлберна в тот день пропали зря.

– Сначала из яиц вывелось меньше детенышей, чем ожидалось, – рассказывал Вадеми. – Но на следующий год мулинцы принесли еще, так что теперь у нас их

достаточно. Саблезубы поедали друг друга, и те, кто выжил, выросли – но далеко не все. Многие остались карликами. Но даже те, что выросли, не слишком похожи на болотных змеев. Они более... щуплы.

– Молодь, – задумчиво сказала я. – А к мулинцам вы обращались? Они должны знать, сколько времени нужно болотному змею, чтобы достичь полной зрелости.

Он покачал головой.

– Они уже должны стать взрослыми. И шкура у них не такая: чешуйки тоньше.

Я не смогла удержаться от вопроса:

– Вы уверены, что это не кожное заболевание?

Вместо ответа он сунул руку под накидку, достал маленькую шкатулку и положил ее на стол между нами. Стоило мне открыть ее – в нос тут же ударил сильный запах формалина. Внутри лежал лоскут кожи. Аккуратно подцепив образец ногтями, я подняла его и поднесла поближе к глазам.

Нет, дело было не в кожном заболевании. Шкуру болотных змеев, грубую, как у крокодила, я видела не раз. Верно, от инфекций они не застрахованы, но какая из них могла настолько очистить и разгладить кожный покров? То, что я держала в руке, больше походило на шкуру рыбы.

Или степного змея.

– Но не могут же они скрещиваться с драконами Байембе, – сказала я.

Степные змеи иногда забредают в мулинские джунгли, однако не забираются так далеко, чтобы встретиться с болотными змеями. А даже если и забредают, и откладывают жизнеспособные яйца, мулинцы не стали бы приносить эти яйца оба. Они выращивают драконов, забирая лучших самцов из болота и относя их в озеро, где обитают матки, и от единожды установленного порядка не отклоняются ни на шаг.

Я ущипнула уголок лоскута кожи кончиками ногтей. Матки...

О биологии болотных змеев мне удалось узнать не так много, как хотелось бы. Я знала, что после откладки яиц мулинцы собирают их и распределяют по болоту, и что разница в условиях инкубации приводит к тому, что из некоторых выводятся матки, тогда как из остальных – самцы. В то время я подозревала, но не имела шансов доказать, что на самом деле некоторые из этих самцов – бесплодные самки либо бесполое особи. Известно, что у драконов других разновидностей встречается средний пол, и у меня было ощущение, что лишь немногие из особей, живущих в болотах, способны скрещиваться с матками, однако я наблюдала вблизи не так много болотных змеев, чтоб убедиться в этом.

От этих и многих других мыслей просто голова шла кругом. Гипотезы и наблюдения сплелись в бесформенный клубок, и вскоре из этой сумятицы возник вопрос: что, если в результате переноса яиц в байембийские реки из них вместо самцов вывелись матки?

За драконьими матками я наблюдала только с изрядного расстояния и посему могла только гадать, свойственна ли им такая мелкая чешуя, подобная рыбьей. Логика в этом была: ведь они обитали в бурных водах озера за Великим Порогом, где гладкая шкура и обтекаемая форма тела могли бы сослужить хорошую службу.

Но если все так и есть, почему мулинцы не сказали об этом йембе?

По-видимому, потому что не хотели, чтобы о существовании маток стало известно. Иначе оба наверняка попробовал бы выторговать одну для себя, а если не выйдет – украсть ее или отнять силой. А зная достаточно о процессе инкубации, мог попытаться воспроизвести его, чтобы иметь возможность выращивать драконов самому, не полагаясь на мулинцев.

Все это ставило меня в весьма затруднительное положение. Будь моя гипотеза верна, мне очень хотелось бы получить этому доказательства. Мало этого: Вадеми – а через него и Галинке, и вся ее семья, включая единоутробного брата – просили меня о помощи. Но помочь им означало бы выдать секрет моих мулинских друзей, что было бы совершенно недостойно.

Я положила драконью кожу в шкатулку.

– Не знаю, что и сказать. Возможно, это реакция на чистую и свежую водную среду. Болотная вода насыщена илом и прочей органикой. Думаю, все это сильно раздражает кожу детенышей, – мою уж точно раздражало! – На вид ваши драконы здоровы?

– В основном, да, – ответил Вадеми.

– Мне бы хотелось узнать, продолжают ли они расти, – сказала я. – Некоторые рыбы меняются в размерах в зависимости от окружающей среды. Возможно, и ваши драконы будут крупнее болотных, поскольку живут на просторе.

Если они вырастут более четырех метров в длину, это могло бы сказать о многом. Матки, которых я наблюдала, были существенно крупнее самцов.

– М-м, – промычал Вадеми сквозь стиснутые губы, что у йембе означает отказ, который было бы невежливо выразить словами.

Отдельный кабинет, внезапная скрытность Галинке... Очевидно, меня пригласили на ленч, чтобы сообщить сведения, которые не хотели доверять бумаге. (Только несколько месяцев спустя мне пришло в голову, что в Ширландии вполне могли следить за моей перепиской. Если власти не желали, чтобы я возвращалась в Байембе, то могли заинтересоваться и письмами, которые я отправляла туда и получала оттуда. Но в самом ли деле было так? Этого я не знаю и по сей день.)

Конечно, в тот день я не задумывалась о подобных материях, но и тогда понимала, что держать меня в курсе дел может оказаться затруднительно.

– Что ж, – со вздохом сказала я, – все равно писать мне будет трудно. Какое-то время я проведу в странствиях.

– Но как же быть с драконами?

Если бы у меня и хватило храбрости пренебречь предостережением безымянного джентльмена из Синедриона, изменить план путешествия было уже нельзя. Конечно, он, как будет показано ниже, предусматривал некий простор для вольностей, но отклоняться от маршрута до самого Байембе только

затем, чтобы я взглянула на драконов в реках, мы не могли.

– Боюсь, сэра, здесь и сейчас я мало чем могу помочь. Довольно уже того, что они здоровы.

На лице Вадеми отчетливо проступила досада. Неужто у йембе сложилось столь высокое мнение о моих познаниях, что они сочли, будто я способна решить этот вопрос вот так, походя, за ленчем в далекой стране? Или они ожидали, что я явлюсь на помощь собственной персоной? Если так, мне больно было их разочаровывать. Но тут уж было ничего не поделать: приезду мешало слишком многое.

Дабы хоть чем-то утешить Вадеми, я добавила:

– Я ожидаю от этой экспедиции множества новых знаний о драконах. Вполне возможно, среди них окажется и нечто полезное для вас.

Все это оказалось сущей правдой. Именно так (хоть и косвенным образом) впоследствии и вышло. Но в тот момент его это ничуть не утешило, и на сем мы расстались – отнюдь не в самом лучшем расположении духа.

Глава вторая

Флота Его Величества Исследовательское Судно «Василиск» – Его безумный капитан – Мальчишки на кораблях – Наши каюты – Проблемы миграции

То был мой третий отъезд из Ширландии, и к тому времени сей процесс уже казался делом привычным. Я привела в порядок дела, упаковала все, в чем могла возникнуть нужда, – то есть то, без чего я никак не могла обойтись, поскольку собирать вещи для жизни на корабле надлежит с великой бережливостью во всем, что касается объема. Я распрощалась с теми из родных, с кем до сих пор сохраняла добрые отношения – то есть с отцом, братом Эндрю и (куда менее сердечно) с деверем, Мэтью Кэмхерстом. Оставив Натали в Фальчестере, мы с Томом, Эбби и Джейком отправились в Сенсмут, где в ожидании начала великих приключений стоял на рейде наш корабль.

Ради энтузиастов мореплавания, которые, несомненно, найдутся среди читательской аудитории, а также с тем, чтобы придать сему повествованию большую наглядность, позволю себе уделить пару минут для того, чтобы познакомить вас с Флота Его Величества Исследовательским Судном «Василиск» – ведь ему предстояло служить мне домом на протяжении большей части (хоть и не всего) путешествия.

То был так называемый «бриг-шлюп» – то есть корабль с двумя мачтами, оснащенными прямыми парусами, построенный во время Десятилетней войны. По завершении войны некий предприимчивый кораблестроитель превратил его в барк, установив позади двух первых мачт третью, бизань-мачту, вооруженную косыми парусами, – зачем, не будучи в достаточной мере мореходом, сказать не могу. Причину капитан пытался объяснить не раз и не два, но голова моя была так забита драконами и прочими подобными мыслями, что места для нюансов кораблестроения в ней не оставалось. (А в наши дни память, боюсь, уже не та. Все, что удалось понять, давно забыто, так как писать об этом в путевых дневниках я не сочла уместным.)

«Василиск» был красив, хотя, возможно, мнение мое и расцвечено воспоминаниями о пережитом на борту – не лишенными темных пятен, однако ж в целом, радостными. В боях во время войны он почти не бывал, повреждений почти не получил и браво сиял белизной фальшбортов и зеленью обшивки. Что до размеров – в ширину он насчитывал метров семь-восемь, а в длину, от носа до кормы, почти тридцать.

Звучит весьма впечатляюще, не так ли? Впервые приблизившись к этому судну, я в самом деле сочла его огромным. Однако то, что кажется огромным и вместительным с пристани или при первом визите на борт, стремительно уменьшается в размерах, как только становится всем вашим миром. Еще до окончания первого месяца плавания мне начало казаться, что я изучила все судно до последнего дюйма – по крайней мере от палубы книзу (снасти я оставляла другим, кроме тех случаев, когда без обзора с высоты в наблюдениях было не обойтись).

Командовал «Василиском» капитан Дион Экинитос, и мне до сих пор стоит определенных усилий не упоминать о нем как о «безумном Дионе Экинитосе» всякий раз, когда я пишу его имя. Сию репутацию он снискал задолго до нашего появления на борту и за все время плавания ничем не убедил меня в ее незаслуженности.

Флот Его Величества Исследовательское Судно «Василиск»

На первый взгляд он казался человеком вполне обычным. Начать хоть с того, что у него не было ни деревянной ноги, ни попугая – неизменных, согласно кое-каким прочитанным в детстве книгам, атрибутов отважного капитана. Курчавые темные волосы он собирал (или пытался собирать) в хвост на затылке, но непослушные пряди то и дело рвались на волю и развеивались по ветру. Не знаю, как это не выводило его из себя – сама я не раз помышляла состричь волосы начисто и избавиться от этакой доуки (однако в конце концов право выбора осталось не за мной). Ростом он был так высок, что мог стоять, не нагибаясь, только под открытым небом – внутренние помещения судна простором не баловали, – а голосом обладал столь громким, что его хохот и рев могли разноситься (и разносились) от кормы до самого кончика носа носовой фигуры.

Безумие его проявлялось не во внешности и даже не в повседневном поведении. Дело было в другом: капитан считал море вызовом, соперником, с которым он непременно должен был помериться силами. Подобно всякому, кто ходил по морям более года и сумел остаться в живых, он был не лишен здравого уважения к морским опасностям... но «уважение» и «страх» – далеко не одно и то же. Стоило только ему услышать об очередной нелегкой задаче, он тут же начинал строить планы, как бы испытать свои силы на ней.

Естественно, все это означало определенные затруднения с набором команды. Но за послевоенные годы, в неспешном круговороте потерь и пополнений, он избавился от всех, кто не желал терпеть его причуд, и сколотил команду себе под стать. Женатых на борту почти не имелось, однако никто не гнушался гостеприимством тех дам, каковых можно отыскать в любом порту мира, и я не сомневаюсь: зачатый командой «Василиска» потомством вполне можно было бы полностью укомплектовать еще одно такое же судно. Любые мысли о том, что капитан однажды погубит их всех в какой-нибудь безнадежной попытке пройти непроходимый пролив или уйти от убийственного шторма, воспринимались матросами с философским смирением. Платят жалованье в срок – и ладно.

Вот с этими-то людьми – общим числом около шестидесяти пяти человек – мне и предстояло провести ближайшие два года. К их списку следует добавить Тома Уикера, Эбби Кэрю и моего сына, плюс еще кое-кого, встреченного по пути. Да, мой круг общения и раньше бывал весьма ограничен, но то было добровольное затворничество, а вовсе не заточение в ограниченном пространстве с группой людей, от коих, при всем желании, никуда не деться. Правда, у меня имелась собственная каюта, но ее приходилось делить с Эбби и Джейком, да и долго сидеть взаперти для меня, так много наслаждавшейся жизнью на природе в прошлом, было невыносимо. Однако искать убежища на высоте, как обычно поступал Джейк (сын лазал по тросам и вантам с ловкостью и бесстрашием обезьян, которых так напоминал время от времени), у меня не было ни малейшего желания. Лучшее, что я могла сделать, устав от общества, – устроиться на носу корабля, как можно дальше впереди, и сделать вид, будто вокруг не осталось ничего, кроме моря.

Но я забегаю вперед. Ясным граминисским утром мы со всем багажом прибыли в Сенсмут, чтобы взойти на борт «Василиска». Капитан выслал за нами четырехвесельный ял, а наш багаж и снаряжение погрузили на большой баркас: осадка «Василиска» не позволяла кораблю подойти прямо к причалу. Матросы взялись за весла, и у нас оказалось полным-полно времени, чтобы как следует осмотреть наш новый дом.

За время приготовлений к путешествию мы с Томом видели «Василиск» уже не раз, однако Эбби с Джейком увидели его впервые. Разглядывая корабль, Эбби безмолвствовала, а я к тому времени успела узнать ее настолько, чтобы понять: за этим молчанием скрывается испуг. Другое дело Джейк – пожалуй, он прыгнул бы за борт, если бы думал, что вплавь доберется до судна быстрее. Пришлось довольно резко одернуть сына, чтоб не совался под руку гребцам.

Поскольку мы еще не покинули Ширландию, и я, и Эбби были одеты в юбки. По этой причине для нас двоих с борта спустили на таях подвесную беседку, а Тому с Джейком предстояло взбираться наверх по трапу. Хвала небесам, Том догадался попридержать Джейка как можно дольше, и к тому времени, как сын оказался на палубе, я почти завершила подъем.

Почти, но не совсем. Вовремя дотянуться до Джейка и удержать его я не успела. Едва ступив на палубу, Джейк вытаращил глаза от восторга, оглянулся кругом и со всех ног помчался исследовать судно.

Но не успел он сделать и десяти шагов, как над палубой прогремел рев:

– Стоять!!!

Голос был не из тех, которых можно послушаться. На миг замерли без движения даже матросы, а уж они-то давным-давно научились различать, кому адресован тот или иной приказ. Что же до Джейка, он остановился так резко, что я едва не рассмеялась вслух.

Рев прозвучал сверху, с приподнятого квартердека. Солнце стояло в небе как раз с той стороны; подняв взгляд, пришлось сощуриться, и поначалу я увидела только внушительный темный силуэт. Вполне вероятно, капитан прекрасно знал об этом и именно на такой эффект и рассчитывал – с него случилось бы.

Конечно же, это был он – безумный Дион Экинитос. Тяжелой поступью сошел он на главную палубу; ступени трапа отчаянно закрипели под его сапогами. Нет, он был не так уж велик, однако обладал своеобразным даром звучать и выглядеть внушительно, когда сам того хотел; по-моему, он даже знал, в котором месте любая из досок его судна закрипит жалобнее всего.

– На этом корабле никто никуда не бежит без моей команды, – сказал он на ходу. – А команды бежать не было. Как тебя зовут, мальчик?

Сын облизнул губы, глядя на него снизу вверх.

– Джейк. Джейкоб Кэмхерст. Э-э... Сэр.

К тому моменту на палубе оказалась и я. Материнский инстинкт (коего я вовсе не лишена, вопреки всем слухам об обратном) побуждал кинуться вперед и вмешаться: уж в очень угрожающей манере Экинитос навис над Джейком. Однако я была знакома с морским этикетом в достаточной мере, чтобы понимать: перечить капитану в вопросах дисциплины – верх неприличия. Конечно, мы к членам вверенной ему команды не относились... но, не имея достаточно веских причин для обратного, лучше было вести себя так, будто относимся. Поступить иначе означало бы подорвать его авторитет, навлечь на себя недовольство и, таким образом, начать плавание весьма и весьма неудачно.

– Бывал ли ты когда-нибудь прежде на борту корабля, мальчик? – спросил Экинитос.

– Нет, сэр.

– Тогда вот тебе первый урок – ничего не трогать! От мальчиков, никогда не бывавших на борту корабля, жди беды. Они играют с канатами и не убирают их на место, как положено. А после каната не размотать с должной легкостью, когда в нем возникнет надобность. Допустим, запутавшийся канат обнаруживается во время шторма. То, что нужно крепить по-штормовому, вовремя не закреплено и отправляется за борт. Возможно, за борт отправляется человек. Возможно, при этом гибнет. Или же парус оказывается не подтянут вовремя, а от этого ломается мачта, либо нас выбрасывает на мель. Возможно, мы гибнем все. И все из-за одного мальчугана, не приученного держать руки подальше от того, в чем он ни аза не понимает, – драматическая пауза во впечатляющей речи. – Ты понял меня, мальчик?

– Да, сэр.

Экинитос склонился к нему чуть ниже.

– Что же ты понял?

Нужно отдать ему должное: Джейк не дрогнул, не подался назад. Впрочем, возможно, он просто не в силах был сдвинуться с места.

– Что трогать ничего нельзя, сэр.

– Хорошо.

Выпрямившись, Экинитос без малейшей паузы развернулся ко мне с широкой улыбкой на лице.

– Добро пожаловать на борт, миссис Кэмхерст.

– Благодарю, капитан, – сказала я, подойдя к Джейку и встав рядом. Нет, я не стала обнимать его и привлекать к себе: выговор был совершенно необходим,

иначе он еще до конца дня успел бы сунуть нос, куда только возможно. Однако мне не хотелось, чтобы он чувствовал себя совсем уж брошенным. – Леди, стоящая за вашей спиной – Эбигейл Кэрю, гувернантка Джейка. Ну, а с Томом вы, конечно, уже знакомы.

Когда с представлениями было покончено, Экинитос велел своему старшему помощнику, мистеру Долину, показать нам наши места. Тома ждала койка в офицерском кубрике (мы неизменно использовали слово «койка», хотя спал он, как и все мы, в подвесном парусиновом гамаке), но нам с Эбби и Джейком была предоставлена сущая роскошь – отдельная каюта на корме, под палубой полюта.

Если я просто скажу, что каюта была тесна, вы не сумеете в полной мере оценить, что я имею в виду – разве что сами некогда жили на борту корабля. Даже моя голова едва не цепляла бимсы, а уж Эбби могла выпрямиться во весь рост только под приподнятым над палубой световым люком – единственным источником дневного света. Спать пришлось привыкать под любой шум: прямо над головой располагались несшие вахту офицеры, и, хотя сам Экинитос при желании мог двигаться совершенно беззвучно, сказать того же кое о ком из остальных не могу.

В общем и целом длина и ширина каюты не превышали трех метров. К тому же пространство пришлось делить с бизань-мачтой – сколько же раз мне представлялась оказия помянуть недобрым словом того типа, которому вздумалось дополнить ею конструкцию корабля, вогнав толстенный столб прямо в нашу каюту!

В оставшееся пространство втиснулись мы – вместе с нашими сундуками, нашими книгами (а также всеми прочими книгами на борту, хоть их и было не много) и рабочим столом. И прожили так два года.

Джейку все это, конечно же, поначалу казалось грандиозным приключением. Когда тебе девять, все новое в радость. Вдобавок он проводил в каюте куда меньше времени, чем я: мы с Эбби и Томом продолжали его образование, однако прямого участия в работе экспедиции он не принимал. Что до меня самой, вначале я сочла новое жилище шокирующе тесным, затем – приемлемым, затем – невыносимым, и, наконец, достойным упоминаний не более, чем для рыбы – вода.

Причина тесноты заключалась в том, что нанять на два года корабль и команду исключительно с целью полюбоваться драконами могла бы позволить себе лишь самая богатая из ширландских дам. Как экономно ни веди хозяйство, подобные расходы были мне не под силу. Посему плавание «Василиска» было совместным предприятием: бремя расходов делили между собой Ширландская Географическая Ассоциация, Орнитологическое Общество и никейская торговая компания «Флот Двадцати Морей», к нашему времени обанкротившаяся. Первые два пункта означали, что, кроме собственных изысканий, у меня имелись обязательства не только перед «Уинфилд Курьер», но и перед этими двумя научными сообществами. Пункт три подразумевал, что все пространство на «Василиске», свободное от людей и припасов, должно быть посвящено грузу, а означенные люди и их багаж – занимать как можно меньше места.

Безусловно, я пыталась заинтересовать нашим предприятием и Коллоквиум Натурфилософов. Некоторые из его членов отзывались о моих изысканиях очень и очень лестно, а Том штурмовал ученое собрание с таким успехом, что я не сомневалась: по возвращении из экспедиции действительное членство ему обеспечено, но... Несмотря на все настояния нашего покровителя – лорда Хилфорда, ныне прискорбно ослабшего здоровьем, нам отказали и в материальной помощи, и вообще во всем, кроме туманных и вялых пожеланий успеха. Нам, женщине и представителю низших классов родом из Нидди, еще только предстояло снискать их уважение.

В то время меня это не на шутку возмущало, однако негодование мое давным-давно откипело. К тому же, удостоенные их финансовой помощи, мы не были бы вынуждены принять кое-какие меры к отысканию денег на экспедицию. А не прими мы их, насколько иначе сложилась бы вся моя жизнь.

* * *

Многие полагают, что экспедиция, снискавшая в будущем такую славу, непременно должна была отправляться в путь с великой помпой, однако ни одно утверждение в мире не может лежать столь далеко от истины.

В то время все взоры были устремлены в сторону дипломатического вояжа, в который вскоре должна была отплыть принцесса Мириам, племянница короля. То был жест доброй воли, адресованный разным странам, с которыми мы в те дни находились не в лучших отношениях – Аггаде, Йеланю, Кэлию, Тьессину и

прочим, которые я с тех пор запомнила. Солидные политические газеты были поглощены спекуляциями о том, приведет ли ее миссия к примирению (и если да, то во что оно обойдется); издания более фривольные заполняли страницы сплетнями о тех, с кем Ее Королевское Высочество намерена встретиться (и во что при этом собирается наряжаться) – короче говоря, и тем и другим было вовсе не до каких-то там научных изысканий.

Мне приходилось бывать в море и прежде, однако еще ни разу жизнь среди моря не представляла собой самоцель. Прежние плавания были лишь способом добраться до места назначения, и не более того. До некоторой степени это было верно и сейчас: планы экспедиции подразумевали посещение ряда мест, однако на сей раз кораблю предстояло служить мне не просто транспортным средством, но домом. Должна признаться, это привело меня в восторг, словно ребенка, добившегося чего-то волшебного, хотя плавания никогда не являлись моей детской мечтой. В тот первый вечер, когда корабль, оседлав отлив, покинул гавань, я вышла с Джейком на нос и рассмеялась в лицо встречному ветру. Возможно, в ретроспективе это свидетельствует о том, что я понимала: впереди ждет нечто весьма знаменательное... но, может, и нет.

Вначале мы направлялись в воды севера, в моря, окружавшие Свалтан и Сиоре, дабы воспользоваться всеми выгодами короткого лета тех широт. Большую часть года этот регион скован льдами: моря замерзают целиком, или почти целиком, на многие мили вокруг. Конечно, сейчас в нашем распоряжении имеются ледоколы – суда, чьи машины способны одолеть толщу паковых льдов, что открывает множество новых возможностей для полярных исследований. Но в те времена подобных кораблей не существовало. Корпус «Василиска» не был даже хоть как-нибудь укреплен для плавания во льдах. Но это значения не имело: в любом случае тех, ради кого мы стремились на север, там наблюдали только в летние месяцы.

Спор о миграции морских змеев велся давно. Моряки отмечали их присутствие во всех возможных широтах, от тропиков до крайнего севера, и посему некоторые полагали, что эти огромные звери меняют места обитания со сменой времен года. Другие оспаривали это, подкрепляя свою точку зрения различными фактами. Например, усики над глазами и вокруг пасти часто наблюдались у тропических животных, но лишь изредка (или вовсе никогда) – у обитателей арктических вод. В средних широтах змеев можно было наблюдать круглый год, причем северные, как правило, превосходили размерами южных, что позволяло отнести их к разным видам... Дискуссии не видно было конца, но большинство

вовлеченных в спор основывали свою точку зрения на данных, вряд ли намного превосходящих достоверностью матросские байки и слухи. Я задалась целью покончить с этим раз и навсегда.

– Простого способа подтвердить правильность тех или иных воззрений нет, – сказал Том в первый же вечер плавания.

Мы ужинали в офицерской кают-компании, за одним столом с капитаном – эта привилегия порой распространялась и на пассажиров. По краям стол был огражден невысокими бортиками, дабы тарелки не соскальзывали на колени, когда на море неспокойно. Правда, в тот вечер качало только слегка – довольно, чтобы не забывать, где мы, но недостаточно для существенных неудобств (не посчастливилось только Эбби, изо всех сил борющейся с морской болезнью в начале пути).

– Если бы отыскать возможность метить змеев, как домашний скот или лебедей Его Величества, мы смогли бы все выяснить точно, – сказала я. – Просто каким-то образом заклеить нескольких с указанием широты и даты, а затем посмотреть, не обнаружатся ли они где-либо в отдаленных местах в другое время года. Но даже если удастся убедить их перенести эту операцию смирно, как потом отыскать их вновь? Иголки в стоге сена ни в какое сравнение не идут...

Экинитос согласно кивнул. Он и без меня прекрасно знал, сколь огромен океан и как опасны его обитатели.

– А каково ваше мнение, сэр? – спросил охваченный любопытством Том. – Как по-вашему, мигрируют ли они?

Капитан поднял задумчивый взгляд к бимсам, поддерживавшим палубу над головой.

– Южные и северные ведут себя по-разному. Вам об этом известно?

– Вы имеете в виду их метод самозащиты? – уточнила я. – Да, конечно. Это одно из ключевых соображений, наводящих на мысли о недостаточности общепринятой классификации. Так ли уж важно экстраординарное дуновение, чтобы отнести данный вид к «драконам настоящим» или же к их «дальним

родственникам»? В тропиках морские змеи втягивают пастью воду, а затем выпускают ее чрезвычайно мощной струей.

- Кита могут убить, - подтвердил Экинитос. - Или проломить обшивку корабля.

В его голосе чувствовалось откровенное восхищение, сродни восхищению силой другого человека - неважно, что сия сила могла погубить и его, и всю его команду.

- Экстраординарным дуновением принято считать дыхание - выдох в той или иной форме, - сказала я. - Если морские змеи извергают из желудка не воздух, а воду - в чем наблюдения, как правило, сходятся, - это нельзя считать экстраординарным дуновением, и в рамках традиционной классификации к драконам они не относятся. Однако на севере такого никто не наблюдал. Северные змеи не убивают добычу струей воды, а давят, подобно питонам.

- Да, это никак не дыхание, - согласился капитан. - Нам доводилось убивать морских змеев, и в их желудках мы находили воду. Но такое бывало только на юге. А отчего? - Экинитос пожал плечами. - Оттого что они разные? А может, просто потому, что на севере вода холоднее?

Именно такова была и моя теория: вариации поведения обусловлены не видовыми различиями, а окружающей средой. Наполнить желудок ледяной водой арктического моря - это же колоссальный шок для организма! Однако все это не могло ни опровергнуть, ни доказать теорию миграции. Без более достоверных результатов наблюдений за этими животными тут было не обойтись.

Сбор данных оказался делом не из легких. Нет, отыскать змеев не составляло никакого труда: среди нашего оборудования имелся комплект прекрасных подзорных труб. В первые недели мы с Томом смотрели в них часами, не обращая внимания на мерзнувшие даже в перчатках руки, и много раз наблюдали огромные кольца, вздымающиеся над голубыми, как лед, северными волнами и вновь скрывающиеся под водой. Марсовые вскоре завели обычай кричать нам сверху всякий раз, когда заметят змея - что несколько раздражало, когда мы были заняты другими, более неотложными делами. Но все эти наблюдения были сделаны издали, в движении, и нам ни разу не удалось увидеть хоть одного из змеев целиком. Вот на таких-то данных и основывались общепринятые теории, и

этого было недостаточно. Чтобы утверждать что-либо с уверенностью, требовалось поступить, как раньше – подобно сказочным мореходам, выследить одно из этих созданий и убить.

Глава третья

Приманиваем змеев – Акулы – Ввязываемся в бой – Препарирование в открытом море – Джейк и голова – Местоимения – Размышления о классификации видов

Подобно акулам, морских змеев привлекает приманка из рубленой рыбы. Однако если поблизости окажется более одного змея, дело может принять крайне рискованный оборот.

Поэтому место следовало выбирать с умом – в тех водах, где, согласно свидетельствам опрошенных нами свалтанских моряков, змеи встречались нечасто. Конечно, это означало, что приманить добычу удастся не с первого раза, но к этой жертве все были готовы: уж лучше так, чем приманить сразу четырех.

Матросы наловили рыбы, порубили ее на куски, завернули вонючую массу в смоленую парусину, отвезли на ялике на некоторое расстояние и вывалили в воду. После этого ялик развернулся, и те, кто находился на борту, что было сил погребли назад, к «Василиску»: на данном этапе операции важнее всего было выкинуть приманку не слишком близко к кораблю. Когда же с этим было покончено, на ванты и мачты был отряжен десяток наблюдателей с приказом высматривать среди волн змеиные кольца, характерный след или тень, скользящую под поверхностью.

Первые три попытки плодов не принесли. На угощение слетались бесчисленные множества прочих хищников и падальщиков – они-то, а вовсе не рыба, и были настоящей приманкой: конечно, морской змей проглотит любое мясо, даже крошечные куски, хотя эти создания предпочитают добычу покрупнее, наподобие полярных акул. Однако, несмотря на этакий соблазн, ни единого дракона мы не увидели.

Нельзя сказать, что все наши усилия пропали даром. За шкуры, мясо и зубы некоторых хищников в определенных местах можно было выручить неплохие деньги, а поохотились мы на славу: я остро чувствовала, что экспедиции не помешают никакие доходы. Однако главной цели достичь не удалось. Немало обескураженная неудачей, я сказала капитану, что нашу затею следует бросить и двигаться дальше, но он был не из тех, кто бросает начатое без очень веских причин. Он настоял на том, чтобы попробовать еще раз.

День выдался ясным. Столь яркой небесной синевы не встретить нигде, кроме открытого моря. Воздух – в кои-то веки! – согрелся настолько, что я была готова забыть обычные жалобы на онемевшие пальцы и назвать его «животворящим». Мы наловили и нарубили рыбы, отвезли приманку в море и принялись ждать.

Над угощением затеяли драку несколько акул. Одна была просто громадной – верных шести метров в длину, – но куда более медлительной, чем большинство ее собратьев, и две другие пытались воспользоваться этим обстоятельством к собственной выгоде. Их свара постепенно смещалась к левому борту «Василиска», и многие из нас увлеклись, наблюдая за дракой. Джейк, которому было позволено оставаться на палубе до появления змея, стоял на ящике, крепко держась рукой за ванты, и следил за происходящим во все глаза – казалось, они вот-вот выскочат из глазниц.

– Мама, – окликнул он меня, – ведь это самая большая акула в мире?

Вопросы, на которые даже приблизительно не знаешь ответа, могут быть сущим наказанием даже для тех, кто всей душой стремится развивать в отпрыске интеллектуальное любопытство. Я принялась копаться в памяти, перебирая все, что могла знать о разновидностях акул, и вдруг сверху донесся отчаянный вопль:

– Левый траверз!!!

Возможно, наблюдателей отвлекла драка акул. Но позже они заявляли (и я им верю), что дело вовсе не в недостатке бдительности, а в самом змее, совершенно неожиданно поднырнувшемся вверх из глубины. Точно слева по курсу – это-то и означают слова «левый траверз» – в воде стремительно мелькнула тень. Акулы кинулись врассыпную, но быстротой эти существа не отличаются; миг – и одна из них оказалась в пасти змея.

Все это произошло в угрожающей близости от судна. Матросы, державшие наготове ружья и гарпуны, открыли огонь.

– Джейк, вниз! – сказала я, дотянувшись до плеча сына. – Ты должен немедленно спуститься в каюту.

Нет, я не опасалась, что он свалится за борт – за канат он держался надежно, однако вокруг зазвучало столько выстрелов, что вообразить себе шальную пулю было легче легкого.

Ко мне присоединилась Эбби, вдвоем мы (хоть и не без множества протестов) отвели Джейка вниз, где ничто не могло ему угрожать. Но, как только я начала подниматься на полуют, чтобы лучше видеть, стрельба стихла. Я обернулась взглянуть, что происходит.

На левом траверзе беспокойно плескались волны, но змея было не видно.

В нескольких футах от меня, рядом с рулевым, мистером Форде, стоял Экинитос.

– Сбежал? – спросила я.

Ответ последовал без промедлений. Корабль рыскнул – именно рыскнул, лучшего слова мне не подобрать – вбок, метнулся в сторону с угрожающе резким креном. Матросы закричали. Затрещали выстрелы. Экинитос заорал, веля прекратить огонь. Змей нанес удар ниже ватерлинии; вахтенные на нижних палубах бросились затыкать бреши, сквозь которые в трюм начала сочиться вода. Вновь наступила тревожная тишина, изредка нарушаемая отрывистыми возгласами. Матросы с ружьями в руках рассыпались вдоль бортов, высматривая цель.

– Два румба справа по носу! – раздалось сверху.

Экинитос вновь заорал, приказывая не стрелять. Повадки морских змеев он знал превосходно: мгновением позже зверь, обогнув нос корабля, вновь оказался слева – поспеши матросы дать залп туда, где он был замечен, ни одна из пуль не попала бы в цель. Вновь загремели выстрелы, но до гарпунов дело еще не дошло. Между тем, пробить толстую шкуру морского змея и вонзиться

достаточно глубоко, чтобы действительно нанести ему серьезную рану, способен только гарпун.

Пули этих животных, как правило, только раздражают.

Рассказы моряков сильно преувеличены. Насколько я могу судить, это во всем мире так, и посему люди легко привыкают делать скидку на то, что в устах моряка реальность приобретает иные масштабы. Четырехметровая акула вырастает до шести, а то и восьми метров. Скверный шторм становится настоящим ураганом. Нарвал, греющийся на камнях солнечным днем, превращается в прекрасную деву, расчесывающую волосы.

Я не моряк и скажу вам со всей объективностью ученого: морской змей действительно способен (и при случае не преминет) взмыть над поверхностью моря, словно струя гейзера. Здесь моряки ничуть не преувеличивают. Голубовато-серая чешуйчатая колонна пяти, десяти, пятнадцати метров в высоту взвивается над волнами в потоках воды и изгибается в воздухе – так, чтобы голова при падении вошла в воду по другую сторону от жертвы.

Самые тонкие тросы такелажа лопнули, как шпагат. Штаги, поддерживающие мачты, – канаты в руку толщиной – оказались препятствием посерьезнее. Пройдя между ними, голова змея с плеском рухнула в воду, но штаги выдерживают любые штормы, какие только имеются в запасе у океана. Сжимая кольцо, блестящее тело заскользило вниз по грота-штагу и уперлось в фок-мачту.

Змей знать не знал, что там такое качается на волнах. Он просто решил, что в его воды заплыл какой-то огромный зверь величиной с самого крупного из китов – этот-то зверь и есть причина его ран. Охотья мы в южных морях, наша добыча могла бы выпустить в нас струю воды, и эта рана оказалась бы для «Василиска» смертельной. Но вокруг простирались ледяные воды севера, и посему змей предпочел раздавить врага насмерть.

Матросы с воем ринулись вперед. Один малый у правого борта приставил дуло ружья прямо к чешуйчатому боку и нажал на спуск. Из раны брызнула кровь пополам с ошметками мяса. Другие, повинувшись воплям Экинитоса, перенесли огонь в ту же точку. Рваная дыра в боку животного росла. Тут и настал черед гарпунщиков – они изо всех сил метнули в рану гарпуны в надежде поразить какой-либо жизненно важный внутренний орган.

Тем временем кольцо сжималось. Грота-штаг протестующе застонал и с жутким треском лопнул. Тело змея рухнуло на палубу, круша бортовые ограждения. Теперь «Василиск» был схвачен надежно, и зверь совсем уже собрался раздавить врага.

К счастью, теперь до змея было гораздо легче достать. Несколько матросов пустили в ход абордажные тесаки, расширяя рану в чешуйчатой шкуре. Еще несколько с ревом навалились всей тяжестью на древко гарпуна, вгоняя стальное острие глубоко в бок зверя.

Очевидно, гарпун повредил некий жизненно важный орган. Тело змея судорожно дернулось, едва не сбросив на палубу Тома: тот с еще двумя матросами вскарабкался зверю на спину. Они тоже взялись за тесаки и принялись яростно рубить чешую. Кровь и чешуйки летели во все стороны, палуба гнулась, трещала в объятиях змея. Но вот клинки наконец-то достигли цели и обнажили позвоночник.

Почувяв, что дело плохо, змей попытался сбежать. Длинное тело заскользило поперек палубы, круша все на своем пути. Двое вскарабкавшихся ему на спину потеряли равновесие и попадали вниз. Секунду спустя за ними последовал и Том, однако его тесак остался в теле змея. Клинок накрепко засел меж позвонков, и когда змей соскользнул с палубы «Василиска», сделалось очевидно: задняя половина туловища не движется – волочится за передней мертвым грузом.

Змей еще шевелился, однако с ним было покончено. Полупарализованный, с гарпуном в боку, истекающий кровью из жутких рубленых ран, он попытался уплыть, но вскоре безжизненно закачался на волнах.

* * *

Что же делала я в то время, когда на палубе бушевала эпическая битва?

Присев на корточки перед штурвалом, вела записи. Как понимаете, не о боевых действиях, а о самом животном – его повадках, его манере двигаться. Возможность наблюдать морского змея вблизи представляется крайне редко; эта вполне могла оказаться единственной в моей жизни, и посему мне совсем не

хотелось упустить такой случай. К тому же в бою от меня все равно не было бы никакого проку: в последний (и единственный в жизни) раз я брала в руки ружье, когда мне было четырнадцать.

Возможно, вступи я в бой вместе со всеми остальными, мне было бы много легче. Бой горячит кровь, заставляя забыть о множестве прочих обстоятельств. А вот наблюдая за боем со стороны, вблизи, да еще поставив перед собою цель запомнить все детали, я постоянно опасалась не совладать с дурнотой – уж очень кровавым оказалось это зрелище. Да, мы препарировали драконов и прежде, но процедуры сии выполнялись хладнокровно, с клиническим бесстрашием, после того, как зверь был убит. Сами убийства также совершались с неизменной аккуратностью, двумя-тремя винтовочными выстрелами. Еще никогда в моей жизни охота на дракона не превращалась в такую кровавую рубку с лязгом мечей и копий и дикими воплями людей, старающихся заглушить собственный страх. И, кстати заметить, жизни моих спутников еще никогда не грозила столь непосредственная опасность (я ни на миг не сомневалась: еще немного – и змей сломал бы «Василиску» хребет).

С учетом всего этого, ущерб можно было счесть минимальным. Несколько человек пострадали от обломков дерева, кто-то попал под удар лопнувшего каната, но остальные отделались незначительными царапинами. Серьезную заботу представлял собою грота-штаг, однако мачта выдержала, а корпус судна не получил значительных повреждений. Таким образом, мы вполне могли позволить себе задержаться и насладиться плодами победы сполна.

Вдобавок я получила возможность дать выход накопившимся чувствам, устроив разнос сыну. Поглощенная битвой со змеем, я лишь задним числом узнала, что Джейк не ушел с Эбби вниз, как ему было велено. Вместо этого он вскарабкался по вантам на «марс» – площадку в том месте, где нижняя секция мачты соединяется с верхней. Под рубашкой он прятал нож, которым намеревался поразить змея, геройски бросившись на него сверху. К счастью для его жизни и моего душевного здоровья, при виде кровавой бойни внизу здравый смысл удержал его от претворения этого плана в жизнь.

Однако все это обескуражило Джейка гораздо меньше, чем мне хотелось бы, и мой реприманд, можно сказать, пропал даром. Правда, взбучку он получил не от меня одной: до меня ему устроила выговор и Эбби, и марсовые, и несколько корабельных офицеров, и сам Экинитос, и Том – и в сумме все это привело к тому, что он обещал в будущем вести себя с большим послушанием.

Тем временем нам предстояли неотложные дела. Команда спустила шлюпки, и убитого змея отбуксировали к борту «Василиска», как обычно поступают с китами. Следовало поспешить: мертвое тело уже начинало привлекать внимание. Кружившие в воздухе чайки то и дело кидались вниз – опробовать угощение, но, клюнув раз-другой, с презрением отвергали его: из-за химического состава крови мясо морских змеев, как и у драконов, живущих на суше, чрезвычайно противно на вкус. Однако в море достаточно падальщиков, не брезгующих даже такой пищей, и пока мы изучали змея, многие из них явились взглянуть, нельзя ли тут чем-нибудь поживиться.

Что ж, эта работа была привычной, хотя мне еще никогда не приходилось мерить тушу шагами по щиколотку в ледяной морской воде. (Конечно, на мне были брюки – переделалась я сразу же, как только мы покинули Сенсмут.) Сидеть пришлось, подложив под себя кусок плотной парусины, поскольку края чешуек невероятно остры – из-за их-то остроты мы и лишились грота-штага. Том и оба его союзника получили множество порезов, но это не помешало ему принять участие в препарировании. Наскоро забинтовав раны, он присоединился ко мне.

Чешуя была первым предметом нашего интереса. Мы изучили несколько образцов, пожертвованных музеям: моряки, убивающие морских змеев, нередко хранят их чешую, как диковинки. Однако без подробных сведений о том, где эти образцы были добыты, толку от их изучения было мало. Мы надеялись, что, изучив чешую морского змея поближе, а затем сравнив ее с чешуей обитателей тропиков, сможем точнее установить степень родства этих двух видов. Кроме этого, везли мы с собой и химическое оборудование, чтобы попытаться сохранить образцы костей. Для этой цели решено было отделить от туши позвонок.

Все остальное было делом рутинным. Мы, как всегда, замерили тушу, а затем Том, переносивший холодную воду гораздо лучше, чем я, вскрыл брюхо животного и приступил к осмотру внутренних органов. Тем временем я велела матросам отделить от тела голову и поднять ее на борт, где ее можно было изучить в спокойной (и относительно теплой) обстановке.

Конечно же, Джейк знал, что его мать – натуралист. Он видел мои научные работы – правда, к иллюстрировавшим их гравюрам проявил намного больше интереса, чем к тексту. На многих гравюрах были изображены анатомические зарисовки, посему Джейк прекрасно знал, в чем заключается моя работа. Но

знать – это одно, а собственными глазами видеть мать рядом с отрубленной драконьей головой – дело совсем иное.

Ахнув от изумления, он провел ладонью вдоль одного из клыков.

– Пожалуйста, не заслоняй обзор, – сказала я, торопливо работая карандашом.

С зарисовками следовало поспешить, чтобы успеть препарировать голову и очистить от кожи и мускулов череп. Над глазами мертвого зверя виднелись едва различимые шрамы, свидетельствовавшие, что некогда он мог обладать усиками, подобно своим тропическим собратьям.

– А он больше, чем те, которых ты убивала раньше? – спросил Джейк.

– Сама я в жизни не убила ни одного дракона, – ответила я. – Не мог бы ты раскрыть ему пасть, или попросить об этом кого-нибудь из матросов?

Раздвигая челюсти зверя, Джейк обернулся и ответил на мое предостережение не оцарапаться о клыки недовольным взглядом. Думаю, к этому возрасту подобный взгляд развивается у всех детей. Как правило, он означает, что наблюдаемый не нуждается ни в каких предостережениях, однако сама его уверенность внушает наблюдателю твердое убеждение в крайней необходимости оных.

В раскрытой пасти сын мог бы легко поместиться целиком, и это натолкнуло меня на неплохую мысль.

– Стой, как стоишь, – сказала я. – Воспользуемся тобой для масштаба.

Он тут же изобразил, что змей пожирает его, и это внушило бы мне куда меньше тревог, если бы не напомнило, какой опасности я подвергаю сына, взяв его с собой в плавание. Да, я сильно недооценила опасности охоты на морского змея и поклялась не повторять этой ошибки. Перед охотой на змея в тропиках непременно высажу Джейка на берег!

Между тем Джейку наскучило притворяться жертвой, и он затеял с головой потешную драку, изображая могучего змееборца.

– Когда-нибудь я тоже убью такого! – объявил он.

– Я предпочла бы, чтоб ты воздержался от этого, – довольно резко ответила я. – Я сделала это только ради науки и от души надеюсь, что другого раза не потребуется. Какую-либо рыночную ценность имеют только клыки – и то всего лишь в качестве диковинных сувениров или поделочного материала. Стоит ли губить животное ради каких-то четырех клыков? Знаешь, мне и этого очень жаль. Помнишь, под конец он пытался уплыть? Он всего-навсего хотел жить...

– Не «он», а «она», – поправил меня Том, взбираясь на борт. Морская вода пополам с кровью текла с него ручьем. – Яиц в брюшной полости не оказалось, но, судя по яйцекладу, это, со всей очевидностью, самка. Вот интересно: где они могут откладывать яйца?

Мои упреки не произвели на сына особого впечатления, однако слова Тома заставили его замолчать. Гораздо позже он сознался, что был до глубины души поражен именно этим местоимением женского рода – местоимением, да еще упоминанием о яйцах. Эти два слова превратили морского змея из жуткого зверя в простое живое существо, не слишком-то отличающееся от воробья со сломанным крылом, которого мы однажды вместе выходили. Да, этот зверь опасен и вполне мог отправить «Василиск» на дно океана. Однако он – то есть, она – была живой и хотела бы продолжать жить, однако ж погибла. Вдобавок вместе с нею погибло и все потомство, которое она могла дать в будущем! После этого Джейк сделался очень тихим и оставался таким несколько дней кряду.

Том начал очистку черепа.

– Легкие почти ничем не отличаются от легких других исследованных нами драконов, – заговорил он за работой. – Строением больше похожи на птички, чем на легкие млекопитающих.

Вспомнив о спорах с Мириам Фарнсвуд, я тяжело вздохнула. Похоже, эта дискуссия складывалась не в мою пользу.

– Мускулатура желудка и пищевода тоже весьма интересна, – продолжал Том. – Конечно, тут требуется сравнение с пищеварительной системой тропических морских змеев, но я полагаю, что ее устройство позволяет животному очень быстро, не глотая, всасывать воду внутрь, а затем с той же быстротой извергать

наружу.

– Водяная струя! – в восторге выдохнула я. – Да, обязательно нужно сравнить. Если они не мигрируют со сменой времен года, то, может быть, жизненный цикл с возрастом гонит их дальше и дальше к северу? Возможно, в тропических водах животному такой величины трудно уберечься от перегрева. Это может объяснять, отчего северные морские змеи в общем и целом крупнее – при условии, что рост продолжается на протяжении всей их жизни.

Джейк (для масштаба)

Мы обсуждали эту идею, пока череп не оказался очищен от большей части мышечных тканей. Затем я снова взялась за карандаш, а Том спросил:

– Что вы об этом думаете с точки зрения классификации?

– Да, задача нелегкая, – признала я. К тому времени рука обрела способность работать сама по себе, не требуя всего моего внимания, и я могла размышлять о вопросах таксономии, не отрываясь от рисования. – Зубочелюстная система во многом схожа с зафиксированными или наблюдавшимися у представителей других разновидностей. По крайней мере, количество и расположение зубов... хотя, конечно, костяные пластины вроде китового уса драконам свойственны редко. Количество позвонков – вот настоящая проблема! У этого создания оно очень велико, а мы, как правило, не можем счесть родственными животных с такими резкими различиями в характеристиках столь фундаментальных.

Том согласно кивнул, начисто (или хоть как-то) оттирая ветошью руки.

– Не говоря уж о полном отсутствии задних конечностей. При препарации я не нашел ничего – даже рудиментов. А ближе всего к передним конечностям – совершенно не отвечающие своему названию плавники.

– И все же сходство налицо. Свойственная рептилиям внешность, и, главное, деградация костей.

Я вспомнила шесть критериев, коими обыкновенно пользовались, чтобы отличать «драконов настоящих» от драконообразных существ: тетраподия, сиречь четвероногость; крылья, допускающие возможность полета; продольный либо поперечный гребень на затылочной части головы; кости, *post mortem* хрупкие; овипария, сиречь яйцерождение; и экстраординарное дуновение. Будучи очень и очень щедры, мы могли бы счесть надглазничные усики данного змея (если он действительно некогда обладал ими) поперечным гребнем. Овипарию только что подтвердил Том. Вкупе с костями, разлагавшимися медленнее, чем кости сухопутных драконов, но все же терявшими прочность очень быстро, получалось соответствие трем критериям из шести. Но много ли все это значило для отделения «драконов настоящих» от их дальних родичей? Что, если на деле главный критерий только один? И это...

Однако объявить истинным признаком принадлежности к драконам остеологическую деградацию также было проблематично. Именно мы обнаружили, что химическая природа различных пород – от горных змеев, на коих и был изначально разработан процесс консервации драконьей кости, до самых простых искровичков, которых можно консервировать в уксусе – варьируется довольно широко. А если все шансы за то, что этот признак не бинарен, а вариативен, то где проложить границу? Какую степень его выраженности мы вправе считать достаточной?

На эти вопросы я не нашла ответа ни в тот день, ни даже в ближайшие годы. Однако убийство морского змея, к которому я прониклась столь запоздалым сочувствием, позволило мне сделать очередной шаг к решению проблемы.

Глава четвертая

Виверны Бульскево – Протеже – Равнодушие Джейка – В штилевой полосе – Джейк дает обещание

Нет, я не забыла доставленных Вадеми новостей о странном виде драконов в байембийских реках. Однако все мысли об этом пришлось на время отложить.

Перед отъездом у меня образовалось столько хлопот, что я решила обсудить этот вопрос с Томом после того, как мы устроимся на «Василиске». Но на борту обнаружилось, что я не учла одного существенного момента: разговор без лишних ушей во время плавания просто невозможен.

Как правило, моряки оставляли наши научные дискуссии без внимания: подобные материи ничуть их не интересовали. Но полагаться на то, что они будут продолжать игнорировать нас, если их внимание привлекут слова наподобие «драконьих маток», не стоило. В команде хватало оппортунистов, вполне способных пуститься в погоню за таким трофеем или как минимум продать сведения об оном заинтересованному покупателю. Да что там – любой матрос мог попросту проболтаться об услышанном за выпивкой в первом же портовом кабаке. Навлечет ли это беду на Мулин и Байембе? Этого я наверняка сказать не могла, но рисковать не хотела.

Таким образом, пришлось подождать. К счастью, мы не все время проводили в море, и вскоре удобный случай представился.

Для замены грота-штага и устранения прочих повреждений, полученных в бою с морским змеем, «Василиск» сделал остановку в Свалтане, а затем обогнул северную оконечность Антиопы и бросил якорь у берегов Лежнемы, близ устья реки Оловтун, на некотором расстоянии к северу от Купелия. Бульский царь нам всячески благоволил: он вовсе не забыл нашей роли в открытии залежи огневики в Выштране, принесшей ему немалую выгоду. По сей причине он не только пожаловал нам визы, но и приставил к нам проводника для путешествия в глубь территории, где мы могли бы наблюдать виверн.

Виверны обитают в горах на востоке Бульскево, тянувшихся на север, к границе с Сиоре. В глубине души я сожалела о том, что строгий научный подход требует проведения изысканий в подобных местах: даже в конце калориса и начале фруктиса, и даже в холмистых предгорьях, а не в самих горах, сезон, считающийся в тех краях «летом», выдался исключительно холодным. Что ж, по крайней мере, долгие дни предоставляли прекрасную возможность для охоты и наблюдений. Тем временем «Василиск» продолжал путь в Купелий, к столичным рынкам, а после должен был вернуться и забрать из Лежнемы нас.

Не стану подробно останавливаться на охоте на виверн: к ключевым аспектам данного повествования она отношения не имеет, а о ее научном значении и без того уже было сказано немало. Достаточно упомянуть о том, что главным

предметом нашего интереса являлась конфигурация конечностей виверны – крыльев и пары (а не двух пар) лап. Наша гипотеза состояла в том, что виверны могут оказаться промежуточным звеном между почти лишенными конечностей змеями океана и четвероногими крылатыми драконами; ее-то мы и намеревались проверить.

Эта продолжительная задержка на берегу – особенно засады в бесконечном ожидании появления виверн – предоставила мне массу времени для разговоров с Томом. Уж тут-то я изложила ему и все, что сообщил мне Вадеми, и все свои догадки о том, что это может означать.

Том сдвинул брови, задумчиво оглаживая приклад винтовки.

– Трудно поверить, что мулинцы могли допустить столь грубую ошибку.

– Но и такую возможность не стоит списывать со счетов, – сказала я. – Их методы ухода за яйцами – традиция, передававшаяся из рук в руки, от поколения к поколению, многие-многие годы. Допустим, все они превратились в обычай, выполняемый только потому, что так поступали отцы и деды, без понимания его истинной сути...

Не удовлетворенная собственными рассуждениями, я ненадолго умолкла, а затем меня отвлекло движение неподалеку. Как оказалось, то была всего лишь чья-то коза, отбившаяся от стада.

Когда коза убралась восвояси, я возобновила разговор.

– Однако необходимо учесть и другие варианты. Вот, например: что, если мулинцы поселили в реки маток сознательно?

На это Том тихонько фыркнул.

– Чего бы ради? Уж не хотят ли они захватить Байембе и подчинить себе?

Конечно, это было полным абсурдом. Мулинцы любили свои болота и джунгли, сколь бы губительны ни были эти места для человека. С их точки зрения безводные саванны Байембе для жизни никак не годились. К тому же у них не

имелось ни правительства в масштабе, превосходящем группу старейшин, случайно собравшихся на стоянке в любой отдельно взятый момент времени, ни войск, кроме крохотных отрядов юношей, дерущихся меж собой в силу каких-нибудь личных обид. У них не было – и быть не могло – ни желания покорять Байембе, ни средств, чтобы добиться победы, если такое желание вдруг возникнет. Тут им не помогли бы даже драконы.

– Хотелось бы мне отправиться туда и взглянуть на них самой, – пробормотала я (не в последнюю очередь потому, что именно в этот момент порыв ледяного ветра живо напомнил мне, насколько в Эриге теплее).

Том не хуже меня знал, отчего это невозможно: ему путь в Байембе был заказан точно так же, как и мне.

– Пожалуй, – протянул он, – тут вам нужен протеже. Ученик. Воспитанник, который мог бы поехать туда вместо вас.

– Вряд ли у меня когда-нибудь появится хоть один, – со вздохом откликнулась я.

Том замолчал. Через какое-то время я почувствовала на себе его пристальный взгляд и обернулась. Да, он действительно, не отрываясь, смотрел на меня.

– Что? – в недоумении спросила я.

– А как насчет всех этих людей, что толпами валят в ваш дом каждый атмер?

– Среди них нет ни единого натуралиста-драконоведа.

– Да, верно – но соберите вокруг себя побольше ясной умом молодежи, и рано или поздно хоть один да появится. И не заставит себя ждать, если по окончании экспедиции вы действительно отправитесь в лекционное турне.

Мне захотелось возразить, сказать, что лекционное турне, если оно вообще состоится, – просто способ заработать денег (которых по возвращении домой ожидалась серьезная нехватка). Все эти лекции мыслились мне как популярные, а не научные. Но если меня в свое время подвигла к выбору научной карьеры такая малость, как искровичок, сохраненный при помощи уксуса, то мысль о том,

что рассказы о моих похождениях могут вдохновить на то же самое кого-то еще, была вовсе не так уж абсурдна! Правда, протеже и ученики всегда казались мне чем-то, присущим лишь людям наподобие лорда Хилфорда – высокородного дворянина, действительного члена Коллоквиума Натурфилософов. Но, если вдуматься, со временем хотя бы один вполне мог появиться и у меня!

На миг в голове мелькнула мысль, что тут мог бы подойти и Джейк – если, конечно, ему не откажут на том основании, что он мой сын. Но даже в самом благоприятном случае до самостоятельной поездки в Эригу ему еще нужно было дорасти, а за эти шесть-семь лет вопрос уж точно так или иначе разрешится... К тому же в самом скором времени выяснилось, что Джейк вряд ли последует по моим стопам.

Пока мы с Томом устраивали засады на виверн (а порой отваживались забираться в их логова, причем Том получил сильное отравление: способности к экстраординарному дуновению виверны лишены, но прекрасно обходятся ядом), Джейка приходилось оставлять на попечении Эбби Кэрю и Федора Лукича Гавриленко, проводника, приставленного к нам царем. По-моему, это был блестящий пример образования, которое Джейк мог получить, путешествуя по миру: Федор Лукич, человек сильный и смелый, прекрасно знающий Оловтунские горы, мог бы рассказать моему сыну об этих землях и их обитателях очень и очень многое. Я полагала, что после месяца в тесноте на борту «Василиска» Джейк будет рад возможности порезвиться на просторе.

Однако по возвращении я обнаружила, что дело обстоит совсем иначе.

– Холодно здесь, – пожаловался Джейк, кутаясь в пальто.

Да, я почти не кормила сына грудью, но, видимо, некоторые мои черты он перенял еще *in utero*[1 - В утробе (лат.). Здесь и далее – примеч. перев.]. В конце концов, когда он был зачат, я тоже непрерывно дрожала от выштранского холода.

– Да, так и есть, – согласилась я. – Но разве тебе не хочется сходить в пеший поход? Федор Лукич говорил, что мог бы показать тебе соколиную охоту.

Джейк пожал плечами. Так пожимать плечами способны только дети лет девяти – и, как правило, только мальчики: для девочек подобное безразличие

непозволительно.

– Его сокол все равно охотится только на кроликов и прочую мелочь. Хочу обратно на корабль.

Все ощущение родства, порожденное его жалобой на холод, исчезло без следа перед лицом сей немыслимой картины. Моему родному сыну неинтересно существо, наделенное крыльями?!

– Я в твои годы с ума бы сошла от радости, если бы меня взяли на соколиную охоту. Вот только девочек на подобные прогулки не берут...

Но это его ничуть не поколебало. Ему хотелось вернуться на «Василиск»: один из матросов по имени Хауорд обещал научить его вязать морские узлы.

– Не сомневаюсь, в этой области и у Федора Лукича есть чему поучиться, – сказала я, но Джейк (с немалым пренебрежением) ответил, что все эти узлы он уже знает.

Жестокая мать, я вынудила его задержаться. Мы с Томом еще не закончили работу, и я не собиралась отправлять Джейка вниз по Оловтуну в сопровождении одной лишь гувернантки. Не желает изучать север Бульскево – пусть сидит и зубрит шпуренские глаголы под надзором Эбби.

Когда я с глазу на глаз заговорила с ней о его поведении, она только беспомощно развела руками.

– Ему нравится в море. Как только мы вернемся на «Василиск», все уладится.

– Надеюсь, вы правы, – сказала я. – Если он будет так капризничать всю экспедицию, то никакого житья нам не даст. А мне не хотелось бы заставлять вас безвылазно торчать на «Василиске» только потому, что Джейку так хочется.

– Я вовсе не возражаю, – ответила Эбби.

Весьма любезно с ее стороны, но я-то знала, что это неправда.

– Что ж, ладно, – философски вздохнула я. – Ему всего девять. Думаю, вскоре ему надоест «Василиск» и захочется некоторого разнообразия.

Все это только показывает, сколь плохо я понимала собственного сына.

* * *

Из Бульскево мы могли бы продолжить плавание вдоль восточного побережья Антиопы, к драконам, обитающим в землях Змайета, Увалише и Ахии. Однако, составив самый полный список известных пород драконов и драконообразных, мы с Томом решили, что усилия лучше направить в другую сторону. Во-первых, имеющаяся литература о подобных животных имела сильный перекос в сторону антиопейских наблюдений, а об обитателях иных земель сообщала гораздо меньше. Во-вторых, помимо дальних родичей драконов, наподобие искровичков, виверн и волкодраков, таксономических вариаций в Антиопе имелось относительно немного. Для настоящего изучения природы драконов следовало заглянуть дальше.

Посему «Василиск», пополнив припасы в Купелии, взял курс через океан, к далекому континенту Отоле. В пути – продлившемся два месяца, в течение которых скученность и теснота из незначительных неудобств мало-помалу превращались в неудобства невыносимые – я начала понимать, что происходит с Джейком.

Как уже говорилось в первом томе моих мемуаров, переломный момент в моей жизни настал довольно рано – в семь лет, когда я вначале научилась сохранять в целостности искровичков, а затем «препарировала» голубя, чтобы узнать, для чего ему вилочка. Эти-то два события и положили начало одержимости крылатыми существами. В конце концов на главном месте среди них прочно утвердились драконы, хотя и нежную любовь к птицам и некоторым насекомым я храню в сердце по сей день.

Ну, а для Джейка таким переломным моментом стал «Василиск». Едва нога его впервые коснулась палубы, он понял (хотя и выразил это словами лишь спустя годы), что оказался дома. Он полюбил с первого взгляда и сложное хитросплетение канатов и парусов, пробуждающих судно к жизни, и ту изобретательность, с которой все необходимое уменьшено и втиснуто в любой свободный уголок. Он полюбил и резкий запах морской соли, и хлесткий морской

ветер, а больше всего – ощущение безграничной свободы, порождаемое полетом над волнами.

Я поняла это не сразу. Да, морские плавания приносили мне радость, однако до полного, наивысшего наслаждения ей было далеко. Ну, а Тамшир, земля моего детства, не имеет выходов к морю, и прежде мне не доводилось наблюдать, как океан зовет, манит человека к себе. Для меня было необъяснимой загадкой, отчего Джейк, росший в тихом пригородном Пастеруэе и на оживленных, людных фальчестерских улицах, тянется к морю всей душой. Однако факт оставался фактом, и если все это и было лишь преходящим увлечением, как я решила вначале, то увлечение это проявило выдающуюся неспособность миновать в положенное время.

Конечно же, в свои девять лет Джейк начал морскую жизнь самым бесславным образом. Несмотря на внушение, полученное от капитана в первый же день, и на впечатления от боя с морским змеем, он постоянно лез, куда не следует, и трогал то, чего трогать нельзя. И вот однажды, посреди океана, когда «Василиск» стоял почти без движения, словно на бескрайнем листе стекла, Экинитос приволок сына ко мне за шкирку.

Мы находились недалеко от экватора, в той области, что зовется среди моряков «экваториальной штилевой полосой». Здесь все ветры часто стихают, и парусные суда попадают в полный штиль. Небо над головой сверкало раскаленной медью, водная гладь сияла, как золото. Я сидела на палубе и, пользуясь отсутствием качки, доводила до совершенства наброски, сделанные с морских змеев и виверн. Шум снизу я слышала, но оставила без внимания, как оставляла без внимания любую шумную суматоху, периодически охватывавшую всю команду.

Когда кучка людей двинулась по палубе в мою сторону, я и взгляда не подняла. Я даже не думала прекращать работу, пока они не остановились прямо передо мной. Только тут я, к немалой своей тревоге, увидела, что Экинитос держит сына за ворот рубашки, а Джейк сердито дует, но явно чувствует за собою вину. Мокрые, потемневшие от пота, волосы Джейка безвольно прилипли к вискам, не в силах собраться с духом и вновь превратиться в кудри.

– Что происходит? – спросила я.

Экинитос слегка встряхнул сына за ворот. Джейк зажмурился.

- Мистер Долин поймал его за игрой вот с этим.

Старший помощник подал капитану некий предмет, а капитан протянул его мне. Тут я увидела, что это секстант.

- Чей он?

- Мой! - пророкотал капитан. - Ваш мальчик стащил его и затеял с ним... игру.

Я ни на минуту не сомневалась, что Джейк не стащил секстант, а только одолжил на время - зачем ему собственный секстант? Но для капитана подобные тонкости вряд ли что-либо значили, и с его стороны это было вполне справедливо.

- Джейк, - строго сказала я, - это правда?

Покраснев от стыда, сын кивнул.

Тем временем вокруг собралась порядочная толпа. К матросам, последовавшим за Экинитосом, Долином и Джейком снизу, присоединились те, кто нес вахту наверху, а также Том с Эбби. Капитан возвысил голос - несомненно, с тем, чтобы его слышали все:

- Подобного непослушания на своем корабле я не потерплю! Воровство карается плетью.

- Теперь послушайте меня, - заговорила я, вскакивая на ноги.

Рисовальный планшет и карандаш со стуком упали на палубу. С морской жизнью я была знакома достаточно, чтобы понимать разницу между поркой, какую непослушный мальчишка может получить в школе, и наказанием плетью на борту корабля. Экинитос просто не мог говорить всерьез.

Что ж, он действительно говорил не всерьез. Однако и не шутил. Взглянув ему в глаза, я поняла, что он не намерен приказывать выпороть моего сына плетью,

как обычного матроса. Он собирался преподать Джейку урок, который тот забудет не скоро.

И мне тут же пришло в голову, как этого достичь.

– Пороть моего сына плетью вы не станете, – сказала я со всей возможной твердостью, после чего позволила себе поникнуть головой и вздохнуть. – Однако вы совершенно правы. Подобного поведения на «Василиске» допустить нельзя. А Джейк проявляет непослушание не в первый, и, видимо, не в последний раз. В каком порту следующая остановка? В Атцоуилли? Не идеальный вариант, но ничего не попишешь. Если погода будет благоприятной и попутные ветры приведут нас туда, я приму меры к отправке Джейка и мисс Кэрю домой, в Ширландию.

– Нет, мама, нет! – закричал Джейк, рванувшись из рук капитана.

Я, не скрывая печали, взглянула ему в глаза.

– Мне очень жаль, Джейк. Я слишком много рассказывала об ожидающих нас в плавании приключениях, и слишком мало – о той ответственности, которая должна им сопутствовать. Прости. Я не подготовила тебя к путешествию должным образом. Возможно, ты просто еще слишком мал.

– Вовсе нет! – отчаянно воскликнул он. – Такого больше не повторится, обещаю! Я буду вести себя, как следует... не отправляй меня домой!

– Ну, а когда тебе надоест вести себя как подобает? Я не могу оставить тебя в таком положении, когда ты рискуешь получить порку. С моей стороны это было бы крайней безответственностью.

– Мне не надоест, – ни на миг не задумавшись, сказал он. – Я докажу! А если что, пусть бьют, пусть порют, как он сказал!

Должно быть, порка плетью казалась Джейку, никогда в жизни не знавшему наказаний суровее нескольких шлепков, чем-то весьма романтичным. (Каких-то три дня назад я случайно услышала, с каким восторгом он рассказывал Тому о килевании.) Я вновь вздохнула, прижала ладонь ко лбу и обратилась к капитану:

– Что ж, я думаю, наказание за первую провинность можно немного смягчить – если, конечно, за ней не последует второй. Как еще вы могли бы наказать моряка, провинившегося столь прискорбно?

– Офицера разжаловал бы, – ответил Экинитос. – Но этот мальчик звания не имеет. Его понижать некуда.

Я с мольбой простерла к нему раскрытые ладони и слегка пожала плечами.

– Тогда поступите с ним так, как если бы имел. Понизьте его до... о, я не слишком разбираюсь в морской терминологии... до какого-нибудь низшего звания, низшей должности, с которой он мог бы начать учиться правильно вести себя в море.

Лицо Джейка, потемневшее, как грязевой оползень, когда речь зашла о его отправке домой, озарилось надеждой. Очевидно, с его точки зрения то было не наказание, а лучшая в мире награда. Но я твердо верила, что Экинитос быстро избавит его от подобных иллюзий.

– Мальчик, – пророкотал Экинитос. – Значит, юнга. Это самая низшая должность, какую он может занять. Будь у меня должность еще ниже – получил бы ее.

– Какие же обязанности исполняют корабельные юнги? – спросила я.

Судьба Джейка висела на волоске, но удержаться он не смог:

– Дряят палубу?

Густые, тяжелые брови Экинитоса качнулись вниз. Могу представить, как грозно мог выглядеть его сердитый взгляд снизу: Джейк оробел, съежился.

– Льяло[2 - Льяло – на парусных деревянных судах особое место или ящик, установленный в средней части судна, куда стекала набравшаяся в судно вода.], – сказал капитан.

И слову своему не изменил. Экинитос не хуже меня догадывался, что Джейк восхищен перспективой учиться настоящему моряцкому делу, и в связи с этим

поначалу не допускал его ни до каких дел, кроме тех, в которых «моряцкого» не было ни капли. Тот первый день Джейк провел в трюме, в грязи льяла, и приятным в этой работе было только одно: она позволяла укрыться от обжигающего солнца. Затем он помогал коку на камбузе или помогал размещать грузы в трюмах в каком-то мудреном порядке, дабы улучшить остойчивость судна – если, конечно, эта работа не была изобретена специально затем, чтобы занимать ею непослушных мальчишек.

Все это быстро сломало бы дух любого ребенка, которым движет минутный каприз. Явись Джейк ко мне молить о пощаде, я попросила бы капитана отказаться от этой затеи... а после, как и обещала, отправила бы сына домой из первого же порта. Я не хотела и не могла ни мучить Джейка, ни просить Экинитоса терпеть его проказы. Однако желание Джейка остаться оказалось отнюдь не минутной прихотью, и держался он стойко, хоть и ходил по уши в грязи. Со временем, шаг за шагом, Экинитос начал учить его чему-то большему.

Нет, конечно же, не лично – у капитана «Василиска» имелись дела поважнее обучения одного-единственного мальчишки. Он отдал Джейка под опеку боцмана – человека смешанной, антиопейско-эриганской крови по имени Кранби; этот малый и взял на себя задачу сделать из сына моряка. Под его руководством Джейк изучил устройство судна и румбы компаса, и выучился вязать уйму морских узлов – я и не думала, что геометрия позволяет так много. Он выполнял множество скучных и утомительных работ: «щипал пеньку», раздергивая на паклю обрывки старых просмоленных канатов, счищал ракушки с обшивки и (да!) драил палубу. Со временем ему начали доверять более интересные дела – например, держать вьюшку, когда за борт бросают лаглинь для измерения скорости судна. Позже – гораздо позже – Экинитос позволил ему вновь взять в руки секстант и научил, как пользоваться им для определения своего местоположения.

Джейк был счастлив. Труд матроса на паруснике тяжел, изнурителен, однако если сын и жаловался, то только на нехватку роста и силы: кабы не это, он смог бы сделать намного больше. Управляться с парусами, тянуть канаты – тут мальчик его возраста был бесполезен и только мешал бы. Но Джейк поклялся, что когда-нибудь станет таким же, как все эти люди, и я, видя, какую работу он готов выполнять, только бы остаться на корабле, вполне в это верила.

Однако большая часть этой работы была еще впереди. В данный же момент мы наконец-то покинули штилевую полосу, а по прибытии в койяхуакский порт

Атцоуилли я не стала отправлять Джейка домой. Мы пополнили запасы пресной воды и провизии, навели кое-какие справки и взяли курс на Намикитлан... где, как нам было сказано, водятся пернатые змеи.

Глава пятая

Намикитлан – Ныряльщик – Знакомство с Сухайлом – Среди руин – Теория Сухайла – Пернатый змей – Снова о классификации видов – Приручение

Койяхуак очень напоминал Мулин – единственную тропическую страну, которую я видела собственными глазами. Та же буйная растительность, те же огромные деревья, то же сплетение лиан над головой, те же пышные папоротники... Под пологом местных джунглей я изнемогала от душной жары не меньше, чем в мулинских болотах. Однако имелась и разница: в отличие от Мулина, наполовину залитого тихими илистыми водами, в Койяхуаке поверхностных вод не наблюдалось: вся дождевая вода впитывалась в пористые породы, собираясь внизу в подземные ручьи и озера. Вся зелень, росшая поверху, была лишь тонкой шкурой на каменных костях, и эти кости там и сям выступали наружу.

Так было и в Намикитлане, куда мы отправились в поисках пернатых змеев – «кетцалькоатлей», как называют их на местном языке. Морские воды близ этого города отличаются исключительно яркой синевой и весьма глубоки: суша от самого берега круто уходит вниз. Даже намикитланская гавань – лишь небольшая прореха в отвесной каменной стене, обращенной к морю. «Василиск» шел невдалеке от скалистого берега, и перед входом в порт все, кто не был занят, удерживая судно на должном расстоянии от столь близкой угрозы, столпились у борта, чтобы полюбоваться пейзажем.

Двадцатиметровая скала под изумрудной шапкой густой растительности, нависшей над краем обрыва, сверкала золотом в лучах заходящего солнца. Глядя на эту шапку, я не смогла сдержать вздох. Как показывал опыт, искать драконов в подобных местах – задача не из легких, а между тем здесь, в отличие от Бульскево, проводника для нас никто не приготовил.

Стоило мне раскрыть рот, чтобы заговорить об этом с Томом, Джейк дернул меня за рукав.

– Мама, смотри! Там, на обрыве, люди!

Зрение у сына было отменным. Разглядеть движение, надежно укрытое зеленью, смог бы не всякий. Однако вскоре над обрывом показались трое. Двое остались чуть позади, а третий, одетый лишь в свободные матросские штаны, подошел к самому краю. «Туземец», – решила я, увидев, как смугла его кожа в сравнении со светлой тканью.

– Что он делает? – спросил Джейк.

Человек на краю обрыва бросил быстрый взгляд вниз и отступил назад, почти к самым деревьям.

– Возможно, выплюнул что-то в море, – хотела было сказать я, но тут туземец развернулся, широко взмахнул руками, придавая себе ускорение, рванулся вперед и прыгнул со скалы вниз.

Нет, то было не самоубийство. В полете его тело грациозно выгнулось, натянулось, словно струна. Но, несмотря на все это, всплеск, с которым он вошел в воду, оказался столь громким, что Эбби вздрогнула и отшатнулась от борта. У меня тоже перехватило дыхание. Я не могла сделать вдох, пока на поверхности не показалась темная голова и блестящие мокрые плечи. Секунду спустя над морем разнесся восторженный вопль.

– Да он сумасшедший, – сказала я, не сводя с пловца глаз.

Стоявший рядом Том насмешливо фыркнул.

– И это говорит дама, некогда прыгнувшая со скалы сама!

– У меня был планер, – напомнила я.

О непроверенной конструкции планера Том предпочел умолчать. Соблюдать осторожность, упоминая при сыне – по крайней мере, пока он еще мал – о ряде моих походов, мы договорились задолго до этого: мало ли, на какие идеи подобные рассказы могут вдохновить ребенка девяти лет? Я вновь подняла взгляд к кромке обрыва. Оставшиеся наверху не последовали за товарищем.

Хлопнув друг друга по плечам, они скрылись среди деревьев. Прежде, чем я успела предложить выслать на помощь ныряльщику шлюпку, тот развернулся и поплыл – по-видимому, к гавани.

К тому же ветер гнал судно вперед, а при развороте в такой близости от берега нас могло снести на скалы. Глядя назад, в сторону постепенно уменьшающейся фигурки пловца за кормой, я ненадолго задумалась, сердится ли он на нас, не взявших его на борт, или попросту наслаждается купанием. Дело было осенью (а может, вернее сказать «весной», ведь мы находились несколько южнее экватора), однако день выдался теплым, на море царило спокойствие – отчего бы и не поплавать в свое удовольствие?

Но вскоре я позабыла о ныряльщике: мы вошли в порт. Благодаря крутизне берегов, гавань была небольшой, но настолько глубокой, что «Василиск» смог подойти к берегу почти вплотную. Будь Намикитлан крупным городом, в гавани выстроили бы пирсы, и мы смогли бы сойти с корабля прямо на берег. Однако городок был невелик, примечателен лишь тем, что в этой точке сходились несколько местных торговых путей да раз в месяц устраивалась ярмарка, и потому нам пришлось воспользоваться корабельными шлюпками – сия еще пять месяцев тому назад экзотическая процедура ныне стала для нас практически рутинной.

В Намикитлане имелся небольшой отель. Радуюсь возможности избавиться от тесноты и скученности «Василиска» едва ли не до слез, я тут же отправила Тома бронировать нам пару номеров. Пока он занимался этим, я наблюдала за выгрузкой нашего снаряжения и багажа. Мы собирались остановиться в Намикитлане, по крайней мере, на месяц, в течение коего «Василиску» предстояло плавание по торговым делам, и оставлять на борту что-нибудь нужное было никак нельзя.

Посреди сей операции мое внимание привлекли громкие крики людей, кучкой собравшихся на берегу. Один из них только что выбрался из воды, а остальные хлопали его по спине и жали ему руку. Все вместе они двинулись в нашу сторону, и я поняла – не из разговора, представлявшего собою затейливый салат из множества языков, а исключительно по общему тону, – что пловца ведут угостить выпивкой.

Когда они подошли ближе, я узнала в человеке, находившемся в центре общего внимания, того самого ныряльщика, что прыгнул на наших глазах со скалы. Судя

по всему, он был не из местных. Почти такая же темная кожа, как и у остальных, такой же орлиный нос, однако лицо его было значительно уже, губы – тоньше, а мокрые волосы ниспадали вниз свободными, крупными завитками. Вероятно, ахият – вблизи я смогла разглядеть, что на нем вовсе не матросские штаны, а традиционные ахиятские «ширвалы», заметно пострадавшие во время прыжка.

Чувствуя, как вспыхнули румянцем щеки, я отвела взгляд. Да, во время эриганской экспедиции я видела множество мужчин в гораздо более скудных одеяниях... но в те дни скорбь по погибшему мужу еще не угасла, сколько бы я ни считала, будто оправилась от нее. Теперь же... признаться, я была еще далеко не старухой, и долгое одиночество давало о себе знать.

Шумная компания прошла мимо, направляясь к одному из портовых заведений, дабы отпраздновать подвиг ныряльщика. Я же выкинула его из головы и вновь вернулась мыслями к охоте на драконов.

* * *

Конечно, о бесцельном блуждании по лесам в надежде наткнуться на добычу не могло быть и речи. Похвастать знакомством с данным регионом никто из нас не мог, а местная почва имела сильную склонность к проседанию, причем (спасибо густому подлеску) заметить опасное место, пока земля не обрушится под ногами, было почти невозможно. Посему Том пустил слух, что мы ищем проводника, который мог бы показать нам, где отыскать драконов, а между тем мы решили вплотную заняться птицами: я обещала Мириам Фарнсвуд и Орнитологическому Обществу повсюду, где только можно, собирать новые образцы и отправлять их домой для дальнейшего изучения.

В окрестностях Намикитлана водилось великое множество редких птиц, но образцы обходились недешево. Койяхуакцы широко используют птичьи перья в искусстве и изготовлении одежды, а это означало, что недостатка в продавцах нет, но цены просто немыслимы. Ежемесячная ярмарка, начавшаяся через два дня после нашего прибытия, оказалась шумной площадью, полной людей в треугольных накидках из узорчатого хлопка, продававших и покупавших все на свете, от кофейных бобов до кораллов. После долгого плавания в обществе одних лишь матросов да моих спутников все это казалось просто невыносимым.

По завершении ярмарки я с радостью поспешила удалиться на веранду нашего отеля. Не самое уютное из убежищ: настил отчаянно скрипел под каждым шагом и так обветшал от времени и непогоды, что дерево поддавалось даже ногтю. Но, как бы там ни было, веранда обладала одним несомненным достоинством – покоем. Укрывшись от всех, я принялась листать полученную от Мириам книгу о птичьей ловле и сравнивать изображения на гравюрах с набросками, сделанными на ярмарке.

Вдруг за спиной кто-то сказал по-ширландски:

– Я слышал, вы ищете пернатых змеев.

Я обернулась и увидела позади того самого нырятьщика. На сей раз он выглядел вполне пристойно: ширвалы заштопаны, куртка перетянута кушаком, курчавые волосы сухи. Судя по одежде и легкому акценту, он действительно был родом из Ахии.

– Да, сэ, – настороженно ответила я. – Но не ради охоты на них.

Незнакомец взмахнул рукой, словно сама мысль об этом казалась ему абсурдной.

– Нет-нет, конечно же, нет. Однако я видел нескольких неподалеку от моей рабочей площадки. А может, несколько раз – одного и того же, трудно судить.

– От вашей... рабочей площадки? Вы хотите сказать, там, на скалах над морем?

Он так и засиял от восторга. Еще секунду назад серьезное и задумчивое, его лицо озарилось лучезарной улыбкой.

– Вы это видели? Прошу вас, расскажите всем, кто согласится выслушать! Половина слушателей никак не может поверить, что я сделал это!

– Я тоже едва сумела поверить собственным глазам, – сухо ответила я. – Зачем вам это понадобилось?

– Чтобы проверить, смогу ли, – пояснил он таким тоном, будто более веских причин ему и не требовалось. – К тому же, это было просто восхитительно: полет

в воздухе, падение в воду... Никогда прежде не чувствовал в себе столько бодрости! Однако площадка моя вовсе не там, нет. В нескольких милях на юго-восток – руины, там-то я и работаю.

С запозданием вспомнив о приличиях, я предложила ему сесть: на веранде имелось еще одно свободное кресло, обшарпанный, ветхий двойник моего. Оставалось только надеяться, что оно выдержит его вес.

– Я – Изабелла Кэмхерст, – сказала я.

В ответ он приложил ладонь к сердцу.

– Мир вам. Мое имя – Сухайл.

Я молча ждала продолжения, но больше он не сказал ничего. Возникла неловкая пауза, и он вопросительно склонил голову набок.

– Прошу прощения, – краснея, сказала я. – Вы ведь из Ахии, не так ли? Насколько мне известно, ахиатские имена обычно длиннее.

Его тонкие губы дрогнули в горькой усмешке.

– Так и есть, но отец отнюдь не обрадовался бы, пользуясь я полным именем. Посему – просто Сухайл.

– Значит, мистер Сухайл, – сказала я, пытаюсь выйти из необычной ситуации наилучшим образом. (Впрочем, безуспешно. По-моему, кроме этого раза, я больше никогда в жизни не обращалась к нему столь официально. Согласитесь, общаться в формальной манере с тем, кого впервые в жизни увидел полуголым, да еще прыгающим в море со скалы, нелегко.) – В чем же заключается ваша работа?

Он выпрямился. Кресло зловеще закрипело под его тяжестью.

– Я археолог.

Об этом я могла бы догадаться, не спрашивая. Койяхуак просто изобилует руинами, половина из коих – остатки великой империи, господствовавшей в этих землях сотни лет тому назад, пока ее упадок не превратил сей регион в разрозненное скопление городов-государств и антиопейских протекторатов. А вот другая половина...

– Вы изучаете дракониан?

Как выяснилось, заставить его улыбнуться было несложно.

– По крайней мере, то, что осталось после них.

В Ахии после дракониан осталось множество разных разностей. Многие полагали, что центр этой древней цивилизации – если таковой в самом деле существовал – находился в пустынях южной Антиопы. Таким образом, в интересе Сухайла к драконианам не было ничего удивительного. Однако он отменил тему дракониан небрежным взмахом руки.

– Но вам, как я понимаю, требуются драконы живые.

– Да, – согласилась я. – Собственно говоря, я и мои спутники совершаем кругосветное путешествие ради их изучения.

– Ваши спутники... – проговорил Сухайл. – И даже мальчик?

Меньше недели на берегу, а Джейк уже начал жаловаться на то, что скучает по «Василиску»...

– Это мой сын.

Пожалуй, жест Сухайла следовало интерпретировать, как просьбу об извинении.

– Мне следовало догадаться, что тот, другой ширландец – ваш муж.

Вздыхнув, я отложила наставление о ловле птиц. Я с самого начала подозревала, что мне придется объяснять, в каких мы с Томом отношениях, по всему свету, от края до края – и не ошиблась.

– Он мне не муж. Я – вдова. Том Уикер – мой коллега. Четвертая наша спутница, мисс Кэрю – гувернантка сына. Драконов ищем мы с Томом. Не могли бы вы описать нам путь к вашей рабочей площадке?

– Я могу предложить кое-что лучшее, – ответил Сухайл. – Если хотите, завтра я отведу вас туда.

На миг мой мысленный взор затмили пернатые змеи – множество, целые стаи! Но в следующую секунду здравый смысл и инстинкт самосохранения взяли свое.

– Нужно посоветоваться с Томом, – сказала я. – У нас здесь есть ряд прочих дел, а его планы и договоренности мне пока неизвестны.

Сухайл кивнул.

– Иными словами, обо мне вы не знаете ничего, кроме того, что я ныряю со скал и выдаю себя за археолога. Поговорите с вашим коллегой. И, если к завтрашнему утру вы решите, что мне можно доверять, отыщите меня на восточном краю рыночной площади.

Прямолинейно, но исключительно точно...

– Благодарю вас, – сказала я.

Сухайл опасливо поднялся на ноги, с недоверчивым облегчением приподнял брови, убедившись, что кресло перенесло сей процесс, не рассыпавшись на части, поднес руку к сердцу и удалился.

* * *

– Археологом его никто не называл, – сказал Том, – но, думаю, так оно и есть. Он здесь уже около месяца. Начал с прочесывания окрестностей в поисках руин, в конце концов остановился на том месте, о котором рассказал вам. Никто не может понять почему: слишком уж близко к Намикитлану. Антиквары и охотники за сокровищами давным-давно обобрали эти руины дочиста.

– Тогда он либо абсолютно безграмотен, либо намного пронизательнее всех остальных, – заметила я, пожимая плечами. – Во всяком случае, он не производит впечатления человека, который раскроит нам черепа и бросит в джунглях... – При виде гримасы на лице Тома я не смогла сдержать раздраженный вздох. – Что? Неужели вы так потрясены тем, что я, прожив на свете почти три десятка лет, наконец-то сделалась несколько осторожнее?

– Вроде того, – со смехом ответил Том.

На следующее утро мы встретились с Сухайлом на краю рыночной площади – он заканчивал утреннюю молитву. При виде нас его безмятежный покой тут же сменился внезапным приливом сил. Отсюда следовало, что он не был уверен в нашем появлении. Я познакомила его с Томом, после чего он сказал:

– Совсем забыл предупредить: путь нелегок.

Я указала жестом на свой костюм – удобную рубашку, мужские брюки и прочные башмаки.

– Как видите, я готова. Опыт походов по бездорожью у меня есть.

Только после этого я осознала, что мой жест не из тех, которые можно счесть скромными – особенно когда на мне брюки. Я так давно привыкла к обществу Тома, видевшего во мне всего лишь коллегу, что далеко не сразу вспомнила о своем теле, к коему только что привлекла внимание совершенно чужого человека, а, вспомнив, чуть не сгорела от стыда.

К счастью, в эту минуту Сухайла волновали более утилитарные материи. Он вывел нас за пределы Намикитлана и углубился в джунгли. Здесь, в вязком влажном воздухе, мы разом взмокли от пота. Сухайл ничуть не преувеличивал: путь действительно оказался очень и очень трудным и стал бы еще труднее, если бы он не шел впереди, прорубая дорогу мачете.

– Расчищаю тропу всякий раз, когда хожу в город, – с досадой сказал он. – А возвращаюсь – снова все заросло.

Как следствие, поход, в иных условиях занявший бы максимум час, продлился два часа с лишком, и к финишу я совершенно выбилась из сил. Но результат... Да, результат того стоил!

До этого я никак не могла понять, отчего драконианские руины внушают многим такой восторг. Те, что мне довелось видеть в Ширландии, пребывали в самом плачевном состоянии, и, главное, не впечатляли размерами. Кроме этого, я видела драконианские руины в Выштране, неподалеку от Друштанева, а также множество ксилографий и гравюр, но все это не шло ни в какое сравнение с видом огромного драконианского города!

Над джунглями возвышались полдюжины пирамид. Их ступенчатые грани были украшены гирляндами зелени, словно колоссальные жардиньерки. В просветах между стволами деревьев и стеблями лиан виднелись фрагменты сглаженных погодой и временем монументальных резных барельефов. Все эти мертвые камни служили насестами бесчисленным стаям птиц. Птицы перекликались, порхая в воздухе, вызолоченном солнечными лучами...

Короче говоря, до сего момента я была уверена, что подобные места существуют только в сказках. Я замерла на месте с разинутым от изумления ртом, а Сухайл широко раскинул руки, точно фокусник, только что явивший публике свой коронный трюк.

– Разграблено все подчистую, как ни жаль, – заговорил он, дав мне собраться с мыслями. – И тем не менее здесь можно узнать очень и очень многое.

«Либо абсолютно безграмотен, либо намного проницательнее всех остальных...»

– Например?

Сухайл пригласил нас подняться на одну из пирамид, но вовсе не затем, чтобы осмотреть ее вблизи. Даже не взглянув на развалины храма на ее вершине, он принялся чертить пальцем в воздухе, покрывая окрестности сетью воображаемых линий.

– Пирамиды – само собой. Самое интересное вовсе не так очевидно. Здесь были улицы, видите? Если пройтись понизу – вон там или там, – ровной земли не найдете. Повсюду небольшие пригорки. Даже дракониане не могли поголовно

жить в огромных пирамидах и дворцах. Были здесь и обычные дома, и мастерские, и лавки. Их остатки также сохранились – я раскопал кое-что и убедился. Дерево давным-давно сгнило в труху, но некоторые мелочи... Естественно, не те, что могут заинтересовать антикваров или людей, которым нужно лишь золото, огневика, да жуткие статуи древних богов. Битые горшки и тому подобное... но о скольком они могут рассказать!

Этот тон, эту страстную увлеченность человека, нашедшего свое призвание и готового посвятить ему всю жизнь, невозможно было спутать ни с чем на свете.

– А как, по-вашему, они могли быть связаны с драконами? – спросила я (именно эта возможная связь и была единственной причиной моего интереса к древней цивилизации дракониан).

– Смеяться не будете? – спросил он в ответ.

Пожалуй, на этот раз его улыбка была щитом, непробиваемой броней превентивной самоиронии. Я покачала головой, обещая хранить предельную серьезность.

– Я думаю, они их приручали, – сказал он.

Легенды гласили, что это так, но все же...

– Но это ведь пробовали, и не раз. Йеланцы якобы научились разводить и выращивать их в неволе – вот в чем очень хотелось бы разобраться подробнее. Кроме того, я видела цепных драконов, использовавшихся подобно сторожевым псам. Но в самом деле приручить их... превратить в домашних животных, как мы – лошадей? Подтверждающих данных у нас нет.

– Если только вы не обнаружили что-то подобное, – добавил Том.

Сухайл окинул разрушенный город долгим взглядом.

– В моих исследованиях эти руины – далеко не первые. В Ахии нередко встречаются странные сооружения... Представьте себе большой загон, обнесенный высокими стенами, а изнутри разбитый на мелкие ячейки, словно

соты. Назначение каждый исследователь интерпретирует на свой лад: рынки, тюрьмы, склады для ценных товаров... Большинство интерпретаций подразумевает, что изначально эти сооружения были крытыми, но кровля не сохранилась. Однако нам не удалось обнаружить ни обломков черепицы, ни гнезд под несущие балки в стенах – ничего! Если эти сооружения были открытыми сверху – а я считаю, что именно так и было, – под склады они малопригодны...

– Но вполне годятся для содержания драконов, – подхватила я, уловив ход его мысли. – При условии, что драконов держат на привязи или приручили настолько, чтобы они не улетали на волю. Да, готова допустить: это вполне возможно... но не доказано.

– Конечно, не доказано. Потому-то я и здесь. Ищу подтверждения... – Сухайл пожал плечами и неожиданно широко улыбнулся. – И этой гипотезы, и многих других. Однако идемте – я ведь обещал вам пернатых змеев. Надеюсь, они не подведут.

* * *

Следуя за ним, мы спустились с нашего наблюдательного пункта и прошли через заросшие развалины города. Путь был опасен: коварные камни и корни так и норовили подвернуться под каблук или зацепить ногу. Необходимость красться задачи тоже ничуть не облегчала.

– В этот час они нередко греются на солнце, – прошептал Сухайл, – но стоит подойти ближе – бегут. А может, не они, а он: я не уверен, что это всякий раз один и тот же. Возможно, вы сумеете определить.

– Несколько крупных – уже стая, – сказала я. – Между тем, я совершенно не ожидала обнаружить так близко к Намикитлану хотя бы одного. Я знала, что в данном регионе они встречаются, но, учитывая высокий спрос на их перья, ожидала, что их придется искать намного дальше.

Сухайл кивнул.

– Потому я и не говорил о нем никому, кроме вас. Не хотелось бы, чтобы сюда по его душу сбежались толпы охотников.

Тут он остановил нас и указал на последнюю из пирамид, стоявшую в некотором отдалении от остальных.

– Недалеко от вершины, два яруса вниз. Видите?

Вначале я не увидела ничего. Стояли мы слишком далеко, а густая зелень служила змею и укрытием, и камуфляжем. Но, проследив за указующим перстом Сухайла, я в самом деле смогла разглядеть его!

Кетцалькоатль

Кетцалькоатль растянулся вдоль каменной ступени пирамиды, улегшись среди кустов, будто на огромной кровати. Его зеленые – того же оттенка, что и у птицы кетцаль (отсюда и его название) – перья блестели в лучах солнца, отливая всеми цветами радуги. Длина его туловища, по моим оценкам, составляла как минимум метров пять, а, вполне вероятно, и больше.

Сможет ли он услышать нас на таком расстоянии? Я прочла все, что было известно о кетцалькоатлях, но об остроте их слуха не упоминалось нигде.

– Насколько близко можно подойти, прежде чем он сбежит? – тихо спросила я.

Сухайл покачал головой.

– Не проверял. В первый раз я наткнулся на него чисто случайно, подойдя к подножью пирамиды.

Это значило, что можно подойти ближе. Некоторое время я рассматривала зверя в полевой бинокль, а затем осторожно, чтоб не споткнуться и не спугнуть его, двинулась вперед. Но тут меня постигло прискорбное разочарование: никакой

пользы это не принесло. Кусты и деревья, росшие вокруг пирамиды, начисто перекрыли обзор. Чтоб разглядеть нечто большее, пришлось бы взбираться наверх, а это неизбежно спровоцирует бегство объекта наблюдения...

Я снова припомнила все, что знала о кетцалькоатлях. Подобно многим драконам, охотятся преимущественно в сумерках, нелетающие... Нельзя ли понаблюдать за ним сверху, если успеть забраться на вершину пирамиды до того, как он явится подремать среди дня?

И в самом деле, это удалось, хотя Сухайл, услышав о моих замыслах, был просто потрясен, а Том твердо заявил, что возьмет с собой ружье и будет держать его наготове – на случай, если зверь заметит нас и решит напасть. Вдобавок на следующее утро потребовалось выйти из города в жуткую рань, не говоря уж о походе сквозь джунгли в предрассветных сумерках, но сложнее всего оказалось взобраться наверх. Мы отыскивали путь, которым поднимался на пирамиду кетцалькоатль, и поднялись с противоположной стороны, дабы не оставить ни следа, ни запахов, которые могли бы встревожить его. Конечно, наша дичь выбрала для подъема самый легкий путь, и нам волей-неволей пришлось идти более трудным. Однако, добравшись до вершины, мы соорудили себе укрытие, из коего могли наблюдать змея, сколько душа пожелает.

Благодаря наблюдениям, продолжавшимся в течение двух недель, я смогла сообщить Сухайлу, что его рабочую площадку навещает один и тот же дракон, причем – самка (самцы отличаются красными перьями на горле, под нижней челюстью, каковых у данной особи не наблюдалось). Мне так и не удалось выяснить, где она проводит ночь: к ночи она покидала руины, и выследить ее мы не смогли. Однако на пирамиду она являлась почти каждый день, и за две недели я успела познакомиться с нею довольно близко.

Возможно, поэтому мы и не застрелили ее. Правда, в то время я ссылалась на иные причины – главным образом на то, что ее возвращение в места, откуда кетцалькоатли были вытеснены, добрый знак, и мешать этому процессу нежелательно. К тому же устройство скелета кетцалькоатлей было изучено относительно неплохо: их кости тонки, но не разлагаются подобно костям драконов настоящих – это и служило главным аргументом в пользу того, что к драконам они не относятся.

И все же полной уверенности у меня не было. Мы подобрали перья, оставленные ею на месте лежки, и сторговали у местного охотника несколько образчиков

перьев птицы кетцаль. И вот однажды вечером, в отеле, подсев к столу, я разложила те и другие образцы перед собой.

– Как же они похожи, – сказала я Тому. – Смотрю и думаю, что Мириам, видимо, права: возможно, драконы действительно в родстве с птицами. Однако, будь это правдой, отчего перья присущи только одной из пород? Если не считать второй, кукульканов – хотя, по всем данным, они схожи с кетцалькоатлями в той же мере, в какой хохлатый кетцаль схож с обычным... а еще, может быть, стрекодраков, если мы включим в общее генеалогическое древо и их. В то же время, если драконы не родственны птицам, откуда взялась эта пернатая разновидность? Отчего кетцалькоатли не покрыты чешуей?

Том, занятый починкой башмака, сжимал в зубах иглу.

– Возможно, оттого, что они вовсе не драконы, – невнятно ответил он.

Этот ответ был самым простым. В конце концов, на каких основаниях я могла отнести их к драконам? Змеевидное тело и драконья голова, совершенно не похожая ни на птичью, ни на змеиную? Но они не обладают способностью к экстраординарному дуновению, их кости не разлагаются, не говоря уж о том, что у них нет ни лап, ни крыльев. Однако у морских змеев нет иных конечностей, кроме плавников, а у виверн имеются только крылья да задние лапы. Быть может, перед нами целый биологический континуум, непрерывная цепочка, начинающаяся с пернатого змея и заканчивающаяся, скажем, пустынным драконом?

Но тут неизбежно возникал новый вопрос: каким же образом мог возникнуть подобный континуум? Это же просто нелепо! Отряд приматов может включать в себя множество очень несхожих видов, от человека до лемура, но ни морских обезьян, ни пернатых горилл в природе нет. Сама мысль об этом была бы абсурдна.

Сухайл большей частью работал на дальней стороне площадки, прочесывая неровную местность столь методично, что заставить его отклониться в сторону могло только большое дерево. Он объяснил нам, что пытается составить карту древнего города и нанести на нее не только пирамиды, о которых знали все, но и детали более мелкие, интересные только ему самому. Время от времени он останавливался и начинал копать, а затем, по пути домой, рассказывал о своих

грандиозных планах нанять сотню рабочих и раскопать весь город.

– Хотя до этого у меня не дойдет никогда, – признавался он. – По крайней мере, в обозримом будущем. Я ведь таков же, как вы. Моя цель – объехать мир, увидеть его весь. Только тогда и будет ясно, куда направить усилия.

Я не сомневалась: когда этот день придет, его усилия будут грандиозны. Казалось, он неспособен уставать: он вполне мог проработать в руинах весь день, делая паузы только для молитв, а после вернуться в Намикитлан и начать учить Джейка плавать. Держаться на воде сын уже умел, но Сухайл научил его экономнее двигаться и показал, как беречь уши, ныряя в глубину. Это в значительной степени примирило Джейка с жизнью на берегу. Он проводил в воде по полдня, собирая ракушки и прочую морскую живность, и показывал все это Эбби.

– Да, он не учит того, что положено, – устало призналась она, – но не могу сказать, что вовсе не учится.

Я пожала плечами, приняв эту новость с философским смирением.

– Его образование уже куда лучше моего на момент замужества. Историю и тому подобное он может открыть для себя и позже.

Возможностей нахвататься разрозненных знаний у Джейка имелось в избытке: по вечерам он присутствовал при наших с Томом естественноисторических дискуссиях, к которым порой присоединялся и Сухайл. В такие вечера беседа нередко возвращалась к заданному мной ранее вопросу о взаимоотношениях дракониан с животными, коим они поклонялись и в честь коих были названы.

– Об одомашнивании драконов не может быть и речи, – утверждала я на заре этой дискуссии. – По крайней мере, в той же степени, в какой мы одомашнили собак, лошадей, коров и так далее. Одомашнивание – это же не просто содержание животного при себе, оно влечет за собой великое множество изменений, как физических, так и поведенческих. Оцените разницу между средним охотничьим псом и волком. Если бы нечто подобное имело место и здесь, мы бы об этом знали: одомашненные драконы дожили бы до наших дней.

Кресла в наших комнатах были куда прочнее тех, что стояли на веранде. Сухайл имел привычку покачиваться в кресле, слегка отрывая передние ножки от пола и то сплетая, то расцепляя пальцы перед грудью. Я видела, как эти пальцы извлекают из земли хрупкие обломки древностей, и знала, что они способны работать предельно спокойно и медленно, когда он того пожелает, но в свободное от раскопок время такие желания посещали его лишь изредка. Вот и в этот момент, задумавшись, он принялся постукивать одним указательным пальцем о другой.

– Могли одичать.

– Это не то же самое, что вновь вернуться в прежнее дикое состояние. Кроме того, и кандидат на одомашнивание из дракона никудашный. Разве вы не замечаете, что все прирученные нами животные – животные стайные или стадные? Приручить особей, привычных к сосуществованию с другими, намного проще. Им знакомо понятие иерархии, они следуют за людьми, как за своими вожаками. Между тем, большинство крупных пород драконов живет обособленно – или почти обособленно.

– Еще немного, и кто-нибудь заявит, будто дракониане скакали в бой верхом на ящерицах-огневках, – с усмешкой сказал Том.

Поскольку огневки не превышают размерами небольшой кошки, сама мысль об этом казалась смешной. Сухайл тоже заулыбался, но тут же вновь погрузился в раздумья.

– Однако приручали же люди и гепардов. И даже охотились с ними.

Я с первых же дней поняла, что хорошая дискуссия доставляет Сухайлу немалое удовольствие, и он не боится ринуться в спор без оглядки, вооруженный всеми имеющимися знаниями, – а уж память его была поистине энциклопедической. К счастью, не боялся он и отступаться от своего мнения, столкнувшись с превосходящими знаниями.

– Да, – ответила я, – но укрощение и приручение – дело иное. Ручное животное просто социализировано до такой степени, что терпит контакт с человеком, и, может быть, чуточку контроля с его стороны. Но эти изменения строго индивидуальны: потомство ручного зверя придется приручать заново.

– Возможно ли, что дракониане так и поступали? – однако он тут же, не дожидаясь ответа, замахал рукой, отвергая самую очевидную интерпретацию своего вопроса. – Я имею в виду – с биологической точки зрения. Практические соображения – дело иное. Можно ли приручить дракона?

– Тут все не так просто, – сказала я. – Я не могу ответить ни «да», ни «нет». Очень многое зависит от породы, о которой идет речь, и от желаемого эффекта, который позволит вам счесть данное животное ручным. Байембийский оба держит нескольких степных змеев на цепи. Мулинцам известны способы направлять болотных змеев туда, куда им нужно. Но все это не идет ни в какое сравнение, скажем, с ручным соколом, бросающимся на дичь по команде.

Затем беседа плавно перешла к обсуждению различных видов драконов и их особенностей, облегчающих или затрудняющих приручение. В последующие дни мы возвращались к этой теме вновь и вновь, и отклонялись от нее в самые разные стороны, от драконианской архитектуры до тактики выживания в джунглях.

Сухайл был восхитительным собеседником. Его научное любопытство вполне соответствовало моему, но было устремлено в иные области знания, соприкасавшиеся со сферами моих интересов ровно настолько, чтоб обеспечить общую отправную точку для разговора. Ранее я упоминала о том, как все более и более чувствовала себя настоящим ученым, и эти намикитланские беседы подтвердили истинность сего ощущения, а, кроме того, несколько умилили горечь разлуки с «Летучим Университетом». Какое же это чудо – упражнять и испытывать собственный ум, убеждаясь, что обладаешь знаниями, и пополняя их с каждым днем!

Дух этих вечеров был мне так близок, что я очень жалела, когда пришло время прощаться с Сухайлом. Я могла бы остаться в Намикитлане еще на полгода, изучая местного кетцалькоатля и странствуя по региону в поисках других, но планы экспедиции и обязательства перед теми, кто ее финансировал, гнали вперед.

– Если будете в Ширландии, – сказала я, – не стесняйтесь разыскать меня. Найти меня несложно.

Сухайл наморщил нос.

- Драконианские руины Ширландии не слишком интересны.

- Это верно, - согласилась я, мысленно пристыдив себя за то, что поддалась унынию.

Из опыта прошлых экспедиций и широты географии данного путешествия следовало, что за эти два года у меня появится множество новых друзей, с которыми затем придется расстаться навсегда. С самого начала было ясно, что и эта дружба завершится с отъездом из Намикитлана. И все же это понимание не избавляло от сожалений...

В то время я полагала, будто скрываю влечение к Сухайлу от окружающих вполне успешно. Однако возникшие впоследствии слухи наглядно продемонстрировали, что я не добилась и половины того результата, на который рассчитывала.

Часть вторая,

в которой мы сталкиваемся с великим множеством разнообразных драконов и еще большим количеством разнообразных проблем

Глава шестая

Бюрократические препоны - Саботаж - Моя безграмотность - Драконовы черепахи - Вопросы приличий - Джейк на верховой прогулке

Конечно, в данном повествовании я многое пропускаю. Кое-что из пропущенного уже описано в других книгах (например, на страницах «Вокруг света в поисках драконов»), а кое-что - просто никому не интересно.

К последней категории я отнесу и некоторые нюансы трудностей, с которыми мы столкнулись по прибытии в Ва-Хин, один из огромных городов, завоеванных

Йеланем. Вопреки расхожему мнению, чтобы отправиться в кругосветную экспедицию, нужно не просто раздобыть корабль и проложить курс на карте. Нужно позаботиться о визах. Нужно преодолеть множество бюрократических препон, когда оные визы не присланы вовремя, истекают слишком быстро либо не вызывают у принимающей стороны никаких чувств, кроме откровенного недоумения. Путь экспедиции могут преградить политика и экономика. Говоря вкратце, вы можете очень надолго увязнуть в трясине тесных и душных кабинетов, пытаясь получить разрешение быть там, где вы есть.

К счастью для меня, драконья доля этих хлопот легла на плечи Тома. И дело было не только в том, что он куда более терпелив: главное – он был мужчиной и потому куда лучше разбирался в вопросах неразрешимых бюрократических неувязок. Как правило, традиционная отстраненность женского пола от множества дел меня ничуть не радует, но, честно говоря, в данном случае я с великой радостью оставила все это крюкотворство ему.

Вдобавок Том куда лучше, чем я, понимал оппонирующих ему джентльменов. Именно он подметил в их поведении странность, каковой ни за что не разглядела бы я.

– По-моему, им известно, кто мы такие, – сказал он в конце очередного дня, проведенного на берегу без всякого толку.

Мой день прошел в научных изысканиях, голова моя была забита драконами, и я недоуменно заморгала, глядя на него.

– То есть? Наши имена значатся в документах и написаны вполне разборчиво.

Том покачал головой, открыл было рот для ответа, но оглянулся вокруг и промолчал. Дело было на палубе: запереться в гробу, заменявшем мне каюту, без крайней необходимости я ничуть не желала. Между тем повсюду вокруг сновали матросы, и подслушать нас мог любой. Том подхватил меня под локоть и повел на нос: там можно было поговорить хотя бы в относительном уединении.

Едва удалившись от посторонних ушей, он зашептал:

– По-моему, наши имена им знакомы.

Бульварные газетенки действительно создали мне на родине весьма дурную репутацию, но чтобы подобные материи волновали кого-то здесь, на другом краю света? Абсурд!

- Неоткуда им нас знать.

- Так ли? - возразил Том. - Изабелла, мы в Ва-Хине. И прибыли для изучения драконов.

Стоило мне понять, о чем речь, челюсть отвисла сама собой. Несколько лет тому назад, перед самым отъездом в Эригу, маркиз Кэнланский похитил результаты наших исследований, касавшихся сохранения драконьей кости и возможных методов синтеза подобного ей материала. Доказательств - по крайней мере, столь веских, чтобы рискнуть предъявить ему обвинение - мы так и не нашли, а если бы и нашли, что толку? Сделанного не воротишь. Нуждаясь в живых деньгах, сей благородный дворянин продал информацию компании под названием «Ва-Ренская ассоциация грузоперевозок», располагавшейся здесь, в этом самом городе.

С годами обида ничуть не утратила горечи.

- Допустим, мы здесь - ну и что? - сказала я. - Они получили, что хотели. Зачем мешать нам спокойно заниматься исследованиями?

- Если бы они были уверены, что мы прибыли только ради этого, то и не препятствовали бы. Однако представьте себя на их месте. А вдруг наша экспедиция - прикрытие для чего-то еще?

- Для чего, например? Для шпионажа в пользу Ее Королевского Высочества? - Дипломатическая миссия принцессы еще не достигла Йеланя, а визита в Ва-Хин и вовсе не планировалось, но где же видано, чтобы подобные соображения могли помешать досужим фантазиям легковозбудимых умов? Однако скорее они опасались чего-то, связанного исключительно с нами самими. - Или для того, чтоб, в свою очередь, похитить эти записки у них? Бессмысленно: за это время они могли сделать сколько угодно копий.

Усталое, обветренное лицо Тома даже не дрогнуло. Взгляд его оставался мрачным и холодным, как сталь.

– Например, саботаж. Диверсия.

Не в силах сдержаться, я громко расхохоталась, чем привлекла любопытные взгляды ближайших матросов.

– Если бы я могла! Насколько же нужно переоценить меня, чтобы так опасаться?

– Полагаю, здесь идет в ход соображение «береженого бог бережет», – сказал Том. Голос его звучал так сухо, будто вот-вот мог вспыхнуть, как трут. – Даже если мы не помышляем ни о чем подобном, что они выгадают, позволив нам бродить по Йеланю в поисках драконов? Ничего. Вот они и приняли меры, чтобы воспрепятствовать нам, – тут он умолк, вздохнул и пригладил обеими руками волосы, растрепанные ветром с моря. – По крайней мере, я так думаю. Слишком уж много всякой бюрократической...

По-видимому, термин, которым собирался воспользоваться Том, должен был оказаться весьма и весьма непристойным, однако он вовремя сдержал язык.

– Слишком много для того, чтобы это оказалось случайностью, – сказала я, тоже вздохнув. – Что ж, ладно. Как нам это обойти?

– Деньги, – скривился Том. – Разве не таков обычай всех бюрократов мира? Им либо просто велели отказать нам, но не заплатили за это, либо заплатили, но маловато. Один из них довольно прозрачно намекал, что склонен принять взятку.

Если им в самом деле заплатили, текущие расценки на недопущение в Йелань ширландцев, очевидно, превышали все разумные пределы, а ведь нам предстояло заплатить еще больше! Сумма оказалась ужасающей.

– Это... не пойдет на пользу нашим финансам, – сказала я, сидя в каюте и тупо глядя в расходную книгу.

– Либо заплатить, – откликнулся Том, – либо отказаться от посещения Йеланя полностью. Либо попросить Экинитоса спустить шлюпку, высадить нас на каком-нибудь безлюдном берегу и надеяться, что никому не придет в голову проверять наши документы.

Я ни на минуту не сомневалась, что Экинитос согласится, однако отнюдь не желала рисковать попасть под арест в чужой стране. Помимо всего прочего, это послужило бы серьезным конфузом для дипломатической миссии принцессы Мириам, коей предстояло в скором времени прибыть в Йелань, а я и без того была в немилости у чиновников Его Величества.

– Значит, заплатим, – решила я.

О последствиях можно было подумать и позже. Если что, попробую торговать собственными рисунками на рыночной площади.

Том передал взятку нужным чиновникам, и мы наконец-то обзавелись вождеденными штампами. После всех этих треволнений я действительно была вовсе не прочь отыскать «Ва-Ренскую ассоциацию грузоперевозок» и посмотреть, не удастся ли чем-нибудь насолить им. Однако здравый смысл возобладал. Вышеупомянутое нежелание попасть под арест, не говоря уж о том, что я понятия не имела, где их искать... Одним словом, мы, как всегда, посвятили все силы и всё время драконам.

* * *

Первым делом я прошлась по книжным лавкам Ва-Хина и отыскала книгу о йеланской системе классификации драконов, во многом отличной от нашей. По крайней мере, она оказалась именно тем, что я рассчитывала найти: внутри обнаружилось множество превосходных ксилографий с изображениями драконов. Вдобавок меня сопровождал один из матросов с «Василиска», немного умевший читать по-йелански. Лингвист из меня, как я уже не раз говорила, никудышный, и йеланской письменности я одолеть не смогла. Запоминать иероглифы было несложно, однако разум наотрез отказывался увязывать эти знаки со звуком и значением.

Зачем же, спросите вы, было утруждаться поисками книги, которую я не могла прочесть? Затем, что по возвращении домой я намеревалась заказать ее перевод на ширландский. Да, верно, с точки зрения моих соображений о таксономии, к тому времени она должна была порядком устареть, но обстоятельства сложились так, что я сумела получить перевод намного раньше, чем рассчитывала. Однако об этом речь пойдет позже.

Изучить всех обитающих в Йелане драконов я даже не мечтала. Их попросту слишком много – от подземных «хок цун лен» до водяных «кау лен» и крылатых «бэ лен», не говоря уж о множестве драконообразных: «лен ма» (что означает «драконова лошадь»), или животном под названием «хун», о коем рассказывали, будто у него две головы, или «па сяо», охотящемся даже на слонов... По примеру ряда натуралистов, от Квань Янь-сена, жившего в сорок девятом столетии, до нашего современника Халида ибн Абира, на их изучение можно потратить всю жизнь.

Моя основная цель была проста: понаблюдать собственными глазами одного или нескольких дайцзинских драконов. Обитатели этого континента, представляющие собою одну из главных ветвей драконьего родового древа, совершенно непохожи на антиопейских, и никакие книги не могли бы дать мне столько же, сколько наблюдения. Я знала, что большинство дайцзинских драконов бескрылы (отчего Эджуорт и отказал им в праве именоваться «драконами настоящими») и любят воду. Еще мне было известно, что в Йелане им нередко поклоняются, хоть и не в той же манере, какая приписывалась драконианам. Воспоминания о койяхуакском кетцалькоатле были еще свежи в памяти; теперь мне очень хотелось понаблюдать за представителями местных видов и посмотреть, не возникнет ли мыслей об их вероятном родстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В утробе (лат.). Здесь и далее – примеч. перев.

Льяло – на парусных деревянных судах особое место или ящик, установленный в средней части судна, куда стекала набирившаяся в судно вода.

Купить: https://tellnovel.com/brennan_mari/estestvennaya-istoriya-drakonov-memuary-ledi-trent-puteshestvie-na-vasiliske

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)